

ISSN 0012-6756

**Дружба
народов**

3/2021

В номере:

Прозрение? Нет — обретение свободы

Нелли АБДУЛЛИНА — автор романа «Сын обетования» — в своем колоритном тексте погружает нас в патриархальный мир начала XX века, когда в мусульманской среде Российской империи происходят важные и малоизвестные современному читателю события: движение по реформированию ислама, борьба за равные права женщин, начало национального движения и расцвет культуры тюркских народов. Проходя через них, герои романа — башкирские и татарские крестьяне, городские интеллигенты, богословы-интеллектуалы — ищут новые ответы на извечные вопросы о Боге, любви, вере и смысле жизни.

«В этом мире нет убежища»

Повесть Петра РОТМАНА «Истинное сияние чистого разума» — о приобретении человеком просвещенным, интеллектуалом («меня по всему миру знают, в редсоветах крупных международных журналов, в членах жюри всяких») того, что называют духовным опытом, — через буддизм: «Без всякой религии, без переселения душ там, а просто медитациями, осознанностью в моменте». Для этого он устраивает ретрит — словно отправляется в разрекламированный тур — в один из монастырей Северного Таиланда. «...Но Будда уже не смотрел в его сторону. Он уже все сказал».

«Потом, после времени Ч...»

«Жить открыто ли, взаперти» — в этой строке Ильи ФАЛИКОВА — философия нынешних будней, и каждый вычитывает свой подтекст, переживает вынужденное затворничество по-своему.

Андрей ДМИТРИЕВ мечтает: «Шагали б мы по улице Стравинского», Евгения Джен БАРАНОВА удивлена неожиданным открытием: «У меня внутри деревня из несбывшихся сердец».

Обе дебютирующие в «ДН» поэтессы в целом видят свое место и роль в жизни в позитиве, но по-своему и по-разному. Юлиана УЛЬЯНОВА признается: «А я, как маятник, стою не на краю, но близко к краю». Ксения БОРИСОВА закликает «прорасти, прорасти, прорасти...»

Легко ли быть немолодым?

Елена ВЯХЯКУПУС в эссе «Мрак твой будет как полдень» рассказывает о том, каково быть стариком в современном мире.

Борьба идеалиста с реальностью

В центре очерка Людмилы СИНИЦЫНОЙ «Победы и поражения Генриха Фогелера» — трагическая судьба известного немецкого художника, депортированного в Казахстан в первые дни Великой Отечественной.

Неожиданный всплеск

«Казалось бы, карантин, книжные обезлюдели, типографии работают с перебоями, продажи упали. Катит по улицам черная телега. Оффлайновая поэтическая активность упала до нуля — ни презентаций, ни литературных сходов. При этом — одна за другой появляются новые поэтические серии, не отстают и прежние. Парадоксом это кажется только на первый взгляд», — утверждает Евгений АБДУЛЛАЕВ, пролистывая с нами поэтические серии и сборники 2020 года.

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93;
www.oaompk.pf тел.: (495)745-84-28;
(49638)20-685

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.01.2021.
Подписано в печать 22.02.2021.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 2000 экз.
Заказ 7597. Цена свободная.

Редакционная коллегия

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Ольга
БРЕЙНИНГЕР
Ирина
ДОРНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА

Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЁВ

Редакционный совет

Сухбат
АФЛАТУНИ

Муса
АХМАДОВ

Ольга
БАЛЛА

Дмитрий
БИРМАН

Денис
ГУЦКО

Иван
ДЗЮБА

Валентин
КУРБАТОВ

Ольга
ЛЕБЕДУШКИНА

Фарид
НАГИМ

Илья
ОДЕГОВ

Кнут
СКУЕНИЕКС

Сергей
ФИЛАТОВ

Ренат
ХАРИС

Вячеслав
ШАПОВАЛОВ

ЭЛЬЧИН

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Илья ФАЛИКОВ. Сто нет — один ответ. <i>Стихи</i>	3
Нелли АБДУЛЛИНА. Сын обетования. <i>Отрывок из романа</i>	7
Андрей ДМИТРИЕВ. Речь ныряет в омут лепета. <i>Стихи</i>	88
Пётр РОТМАН. Истинное сияние чистого ума. <i>Повесть</i>	93
Евгения Джен БАРАНОВА. Из несбывшихся сердец. <i>Стихи</i>	126
Георгий ПАНКРАТОВ. Пятеро. <i>Рассказы</i>	129
Юлиана УЛЬЯНОВА. Правда о ближнем. <i>Стихи</i>	158
Евгений КАМИНСКИЙ. Отпалка. <i>Повесть</i>	161
Арсений ГОНЧУКОВ. Принц. <i>Рассказ</i>	178
Анатолий ВАЛЕВСКИЙ. Эльза. <i>Рассказ</i>	183
Ксения БОРИСОВА. Круговода. <i>Стихи</i>	188

ДРУЖБА НА ВЫРОСТ

Константин ВОЛЧКОВ. «Февр...». <i>Рассказ</i>	190
---	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Елена ВЯХЯКУОПУС. Мрак твой будет как полдень	211
Людмила СИНИЦЫНА. Победы и поражения Генриха Фогелера. <i>От поэтической утопии к зримому духу</i>	217

КРИТИКА

Евгений АБДУЛЛАЕВ. «Приют пиров, ничем невозмутимых...» <i>О новых поэтических сериях и сборниках 2020 года</i>	234
--	-----

СВЯЗКА РЕЦЕНЗИЙ

Александр ЧАНЦЕВ. Манифестация сложности	246
--	-----

ПОДРОБНОЕ ЧТЕНИЕ

Валерия ПУСТОВАЯ. Внятный, как мануал (А.Поляринов. «Центр тяжести»; А.Поляринов. «Риф»)	255
---	-----

БИБЛИОНАВТИКА

Ольга БАЛЛА. Фильмы для внутреннего зрения (Ш.Абдуллаев. «Другой юг»)	263
--	-----

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Как-то иначе	267
----------------------------------	-----

Илья Фаликов

СТО НЕТ — ОДИН ОТВЕТ

Эпопея

Я выхожу на ялтинскую белую дорогу.

Иван Шмелёв

— Солнце мёртвых, Иван. — Окаянные дни.
Мы Иваны с тобой, мы одни.

В Средиземное море с горячих террас
опускается солнечный Грас.

В виноградную балку уходит павлин,
солнцем мёртвых палим.

Это стоя, Иван, это тут
одичавшие кони падут.

Это дети лошажьё копыто грызут,
богоносец раздет и разут.

Это воеет белуха, ещё на плаву,
положивши на камень главу.

У миндальных садов, завалив диорит,
человеческий шифер шуршит.

Это русская сказка железной метлой
выметает, Иван, нас с тобой.

Это в скалах орудует Баба-Яга
помелом, костяная нога.

Полежим под горой, — диорит в головах,
оловянное солнце в глазах.

Фаликов Илья Зиновьевич — поэт, прозаик, эссеист. По образованию филолог. Автор десяти книг лирики, четырех романов в прозе, двух сборников эссеистики и четырех книг в серии «Жизнь замечательных людей». Лауреат нескольких литературных премий. Постоянный автор «Дружбы народов». Живет в Москве.

Стома

Жить открыто ли, взаперти,
сложно ли, по-простому, —
в человека легко зайти.
Например, через стому.
Толстым пальцем, сухим перстом,
не помывши руки,
налегке, со своим крестом,
через дырку в брюхе.

Погулять у тебя внутри
кто угодно может.
Стон умерь и слезу утри.
Век похвально прожит.
Отгорела твоя страда
на открытых ранах.
Ходят-бродят в тебе стада
в основном незваных.

Преисполнены болтовни
и чугунолобы,
никуда не уйдут они
из чужой утробы.
По обычаю запершись
и питаясь содой,
панегириком разрешишь
и высокой одой.

В глубь кишечника, в потроха,
в пищевой подстрочник —
пиндарического стиха
ключевой источник —
не боись, заходи, народ,
нараспах открыта
дырка в брюхе, лазурный грот,
золотые ворота.

* * *

На «нет», естественно, суда
нет, если нет как нет
тепла, когда горит звезда.
Сто нет — один ответ.
— Сто лет гореть, сто лет вещать.
Воспев житьё-бытьё,
светиться, чтобы освещать
отсутствие своё.

Арифметика

Проглядел, прохлопал, не заметил
минимум лет тридцать. Окоём
на заре невысчитанно светел.
Чайка не тоскует ни о ком.
Втрое старше Лермонтова с Рыжим,
засорил немереный эфир,
превосходством численным не движим,
склонности к цифири не явил.

Просвистел, профукал на просторе
минимум лет семьдесят. Верней,
жизнь ушла в классическое море,
где ещё полощется Эней.
Есть о ком рыдать Дидоне. В целом,
вышелкнув ненужные слова,
я ещё не жил на свете белом.
Если арифметика права.

* * *

От Лютении до Курил,
не задерживаясь нигде,
ты её по земле водил,
ты водил её по воде.
То, что спутнице показал,
в память штопаную кладёшь —
ветер в поле, базар-вокзал,
воробьиной шпаны галдёж.

Благодарно изумлена,
дальний свет над глухой тропой
засвидетельствовала она
сверх показанного тобой.
Шумных трав и воловьих жил
незахлёбывающийся звук —
факт того, что ты пел и жил,
получаешь из первых рук.

* * *

Плакали серые чайки.
Был ненамного серей,
в море влетев по случайке,
юный один соловей.

Жили темно и беспечно,
тратили годы и пыл.
Времени не было вечно.
Голос у времени был.

* * *

Видишь ли, мне оставаться с собой
не составляет труда.
Если в системе наметится сбой,
не выходить никуда.
Это для вас карантин — кандалы,
каменно-душный мешок.
Место моё — полигон похвалы
месту, источнику строк.

Стол, по которому бесполезняк
веет, качая права,
в смешанный преобразается знак
гибели и торжества.
Здесь постоянно прописан глагол.
Вещи стоят на местах.
— Ты далеко ли? — За хлебом пошёл.
Утренних выслушать птах.

Этот порядок вещей невредим,
стелется в скверах пустых
вредных привычек устойчивый дым,
переработанных в стих.
Это одна из желанных растрав
в сердце, летящем вовне,
если в России родиться, застряв
в Болдине, в карантине.

* * *

Полжизни был совой,
не слишком белой.
Оно под волчий вой —
перо — скрипело.
Ничто самим собой
быть не мешало.
Часов, само собой,
ушло немало.
Полжизни был совой.
Совы не стало.

Растаяла сова,
как сохнет речка.
Проста как дважды два
часов утечка.
И ровно в двадцать два
сгорает свечка,
а у нее внутри —
ночная птица.
И жаворонок в три
утра родится.

Нелли Абдуллина

СЫН ОБЕТОВАНИЯ

Отрывок из романа

Совершеннолетие (ноябрь 1907 года)

Ибрагим мчался верхом на лучшем скакуне из отцовского табуна. То был плотный вороной конь, прозванный за масть и шаг — Кара-юрга, как иноходец из песни. Прежде отец позволял объезжать его только старшим братьям — Арслану и Нахретдину.

От радости Ибрагим разгорячился, припустил рысью. Конь несся над степью, почти не касаясь копытами земли: чуть крепче сжать ему бока — и полетит.

Но за миг до этого Ибрагим проснулся. В доме было еще темно. Нахретдин спал на краю нар, целиком перетянув одеяло на себя. В отгороженном углу, у молодоженов, смолкло насекомье верещание Шамсии — новорожденной дочери Арслана. Только на женской половине сонно, ворчливо переговаривались сестры, как птицы перед зарей, и слабый луч керосинки бился в красной занавеске.

Ибрагим повернулся на другой бок и почувствовал, что под животом, в шароварах у него мокро и вязко, будто разлился пузырек с костным клеем.

— Ух, шайтан, — он вскочил с нар, поплотнее завернулся в чекмень и выбежал из избы.

Так наступило его совершеннолетие — седьмого числа месяца Шавваль, 1325 года по хиджре¹.

Отец предостерегал его: «Детство — пора милости, данной взаймы. Станешь юношей — за каждый проступок ответишь перед Всевышним!» Но Ибрагим боялся не этого, ведь он давно творил намаз и соблюдал уразу наравне со взрослыми. Он больше робел перед обрядом балиг-туылу², когда о его постыдном излиянии узнают во всей округе.

Абдуллина Нелли Ильдаровна — преподаватель, переводчик. Родилась в Уфе. Окончила МГЛУ. Печаталась под псевдонимом в сборниках и альманахах издательства Эксмо.

¹ Хиджра — переселение пророка Мухаммада из Мекки в Медину, с которого начинается отсчет лет по исламскому календарю.

² Балиг-туылу — праздник совершеннолетия, отмечающийся в широком кругу родственников и друзей семьи по достижении мальчиком половой зрелости.

Тьму уже заволокло предрассветной серостью. Посыпанные сумеречной известкой, проступили очертания сарая, конюшен. Горб Нарыстау стал заметен на фоне светлеющего неба. Жеребцы учуяли Ибрагима, нетерпеливо зафырчали, когда он проходил мимо.

Ибрагим закрыл дверь на крючок. Даже в остывшей, в бане сладко пахло смоляным жаром. Он кинул на лавку чистые шаровары, рывком отодрал прилипшую к бедру штанину и щедро налил воды в ритуальную чашу, чтобы совершить требуемый гусуль — полное омовение.

Докрасна растираясь мочалом, Ибрагим вспоминал свой сон. А вдруг он окажется вещим? Ведь братья получили по иноходцу на совершеннолетие. Ему, главному наследнику, должен достаться лучший конь. Время подходящее, осень. Кумысный сезон позади, снег уляжется нескоро. Выпас легкий, и самая воля — скакать от холма к холму. Он размечтался, как прижмется к шее Кара-юрги и длинная грива — цвета и запаха дегтя — будет хлестать его по лицу. Может, и правда, признаться, высидеть унижительный обряд, зато получить иноходца?

Пена уже свернулась на его коже липкой пленкой, он потянулся к чаше ополоснуться и не удержал. Та выскользнула из мыльных рук, с грохотом обрушилась на пол, окатив водой стены, со скамьи полетели ковши и кумганы¹. Батрак Касым, дежуривший в эту ночь на конюшнях, прибежал на шум.

— Кто там балует? А ну! — испуганно пригрозил он.

— Я это, ступай! — приказал Ибрагим. Но Касым не уходил, прислушивался.

— Куда это ты намываешься ни свет ни заря? Никак гусуль творишь? — спросил он наконец.

— К утреннему намазу, — отрезал Ибрагим.

— Ну, помоги Аллах, — усмехнулся тот.

«Небось побежал отцу докладывать!» — подумал Ибрагим с облегчением и не ошибся.

Когда он вернулся в дом, Фаррах уже восседал во главе ковра, с обжигающей пиалой чая на ладони, и распорядился о праздничной трапезе. В то же утро закололи барана и к нему в придачу пару гусей, чтобы бешбармак гуще наварился. Разбудили печь на дворе, что давно впала в зимнюю спячку, загудел жар в ее глубоких огненных колодцах. Забурлила вода в чугунных казанах. Матери и сестры намесили пять кадок теста. Нахретдина послали за родными и соседями по огню, а за Курбангали-имамом отец отправился сам.

Первыми явились незваные — окрестные бедняки (и здесь не обошлось без Касыма), выстроились вдоль забора, как солдаты на смотр, выставили перед собой площадки для жертвенного угощения.

Ибрагим покорно пил свое унижение. Выдержал язвительный допрос муллы при отце и нескольких хальфа²:

— Не рукоблудствовал ли ты, о юноша? По всем правилам очистился от скверны?

Потом его вывели на крыльцо, и он произнес шахаду — свидетельство о вере — на виду почти у всей деревни. Кто не поместился во дворе, смотрел из-за забора. Глумливые взгляды облепили его, как мухи: «Ну что, малый, запачкал ночью штаны?» А он старательно проговаривал арабские слова и ни разу не запнулся. Голос его не

¹ Кумган — узкогорлый кувшин для омовения.

² Хальфа — младший преподаватель мусульманского учебного заведения, часто хальфами становились старшие студенты.

утратил твердости, даже когда оборванцы, снующие в толпе, стали выкрикивать оскорбительные ругательства.

Во время трапезы по обычаю Ибрагим должен был подавать гостям. И тут ему некуда было спрятаться от строгих глаз и наставлений. Он обходил и кротко выслушивал каждого, кланяясь, благодаря. От напряжения и стыда он потел. Хворая влага собиралась в теле. Но он терпел до самого вечера, чтобы получить награду свою.

Когда все разошлись, Фаррах подозвал его к себе, достал из сундука молитвенный коврик из зеленого бархата, расшитый золотыми нитями, с атласными кисточками по углам. По его кромке шел узор, составленный из двух родовых знаков — из тамги отца в форме двух ребер, и матери — в виде дербника — сокола, распахнувшего в полете крылья.

— В Уфе заказал, для тебя. Вот и настало время! — отец сиял, как начищенная бронза. — Каков птенец в гнезде — таков и в полете. Будешь меня слушать, в меня пойдешь.

— И все? — вырвалось у Ибрагима — сдавленно и тонко.

— Ты не доволен? — лицо отца переменилось.

Не в силах больше крепиться, Ибрагим зарыдал:

— Отец, я только тебя и слушаю! Тебе одному служу! Но как я пойду в тебя, если у меня нет своего иноходца! И Арслану, и Нахретдину подарил ты по скакуну на балиг-туылу! А я так и останусь на побегушках — малай-принеси-подай?

Фаррах засмеялся:

— Что ты такое говоришь! Ты последний мой сын и навсегда останешься со мною, и все мое — твое!

Но Ибрагим этим не успокоился. До самого сна он следил в щелочку загородки, как младшая мать мыла в тазу пиалы: если Всевышний даст ей сына, не быть ему главным наследником. Тело его совсем отяжелело и размякло от ревности, как невыжатое полотенце.

Среди ночи Ибрагим встал по нужде. На дворе морозило всюду — так прихватывает перед первым снегопадом. Он хрупал калошами по заиндевелой траве, и этот хруст царапал гладкую предзимнюю тишину.

Спросонья он совсем забыл о пережитом дне, будто тот вернулся в утробу ночи и вот-вот родится опять. Спит в хлеву воскресший ягненок, которому снова суждено стать жертвой для праздничной трапезы. Еще не запала в душу Ибрагима обида на отца. Не произнес он клятву покорности и пребывает в тени от Всевышнего — не безвинное дитя, не правоверный мусульманин, а так — неклеяменный иноходец на распутье.

Смурная сырость в теле, которую Ибрагим надеялся выспать, усилилась. Дрожь пробиралась по всему телу, холодно шекотала за шиворотом. Не было сил идти через огород до бани, у которой стоял крепко сколоченный нужник. Ибрагим притулился за сараем. Струя зашипела и, скворча, ушла в землю, запахло вареным рисом и уксусом. Всполошились куры, мелко заскрипели.

Ибрагим, упоенно выдохнув, запрокинул голову. И увидел небо.

Бескрайнее черное полотно стелилось над ним. Оно было издырявлено, будто истреблено птицами. Сквозь эти прорехи лился свет, переливчато-белый, строгий. Печной дымок устремлялся к нему, но не мог зачерпнуть ни капли бездонного блеска и таял, тщетно распластав ладони.

Ибрагим стоял, стараясь тише выпускать пар изо рта. Он догадался: это вовсе не свет — это Бог смотрит на мир, и невыносимо лучезарный лик Его просачивается сквозь ветхое сукно небес.

Под этим взглядом Ибрагим стал яснее чувствовать, — будто раньше он дремал наяву. Будто вся его жизнь состояла лишь из мутных отражений мира: сизых холмов на горизонте, едкого запаха конюшен, степного ветра. А теперь взглядом Всевышнего он оказался оторван от этого мира — сотворен. Отныне он — был.

И тут понял Ибрагим, что наг и уязвим, до самой низости своей. Что по закону ему нельзя мочиться стоя. Что он повернулся как раз в ту сторону, куда надлежит направлять поясной поклон во время намаза. Медный голос Нахретдина отчеканил в его голове: «Посланник Аллаха, мир ему и благословение, запретил нам мочиться стоя, обращаться лицом в сторону киблы¹ во время испражнения, подмываться правой рукой».

Ибрагим поспешно затянул веревку шаровар и прошептал:

— Гуфранак! Прости, Аллах! — так велено говорить после справления нужды.

Но поздно. Он совершил первый проступок. Совершил случайно, ненароком. Значит, способность к греху жила и распорядилась им, как только он отделился от мира и сам стал отвечать за себя. И даже если он будет потом строго следить за каждым своим шагом, ничто не оградит его от новой невольной ошибки.

Он обречен. Его склонность к пороку неизбежна, как неизбежна смерть в наказание за грех. И никаким хадисом уже не исправить то, что случилось. Правоверная жизнь Ибрагима кончилась, едва начавшись.

— Все. Погубил я себя.

Ибрагим взмолился:

— О Аллах, убей меня сейчас! Для чего жить дальше?

Он невольно сжался, опустил голову, зажмурился, ожидая удара с неба. И ничего не произошло.

— Что Ты медлишь? — вскричал он. — Зачем откладывать казнь? Можно ли что прибавить к смерти?

Все так же тих, холоден и отстранен был свет Всевышнего. Бог продолжал смотреть на него с покоем и безразличием.

— Это я, Ибрагим, — напомнил он, жадно вглядываясь в небо. — Ты назвал меня, Ты создал меня. Почему же Ты молчишь?

Никаким знаком не ответил Всевышний на его вопрос. Ибрагим схватился за голову и заскреб пальцами по свежесвыбритому затылку. Одно подозрение хуже другого одолевало его:

— Неужели Тебе все равно, что я нарушил святые аяты у Тебя на глазах? Зачем же Ты дал их мне?

Ибрагим не мог стоять на месте, казалось, стылая почва под ним была ненадежна, как зыбучие пески. Он прошелся быстрым шагом от сарая до конюшен и обратно.

— Если я сделаю что похуже, и тогда не накажешь меня?

Ибрагиму нужно было сейчас же, немедленно опровергнуть сомнения — как угодно, даже ценой жизни. Словно он ввязался в чужой древний спор, и от него одного зависело, устоит или не устоит этот мир.

---

¹ Кибла — направление в сторону священной Каабы в Мекке.

Андрей Дмитриев

Речь ныряет в омут лепета

* * *

Закончится карантин,
закончит контакт коротить —
тень мантией с кариатид
сползёт на закате у моря,
но прежде — чеснок и имбирь,
в одежде — чернобыльский стиль,
надежда — на светлую быль
без лютого глада и мора...

Потом, после времени Ч
извлечь из фейсбучных речей,
что быстры, как печь СВЧ,
сумеет ли мы так же просто
рождественский с виду пирог
с начинкой малиновых склок,
ведь в реку войдём, а у ног
взметнёт пузырьки иной воздух.

Вернёмся, хоть мы и дома
свои не покинули. Тьма
в тугие вберёт закрома
отмытые холодом звёзды.
Согреем в ладони ладонь,
и месяца серп молодой
сожнёт, рожь смешав с лебедой,
поля наших новых курьёзов.

Дмитриев Андрей Николаевич — поэт, журналист. Родился в 1976 году в г. Бор Нижегородской области. Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. Обозреватель областной газеты «Земля нижегородская». Автор четырех сборников стихов, среди них — «Глубина тиснения» (2018). Живет в Нижнем Новгороде.

* * *

А ты и прежде был в затворе —
сидел в компании сверчков,
не только трещин на фарфоре
ведущих в тишине учёт,
но и распавшихся на пазлы
аллюзий и ассоциаций с тем,
что клерки не заносят в паспорт
по канцелярской глухоте.
Для рыбок с влажными глазами,
для кошек с космосом в шерсти,
для книг, что как огни вокзала,
ты был вербально допустим.

Без рыка-крика в час полночный
твой обходился лексикон,
хоть был порою рваным почерк,
но то — скрипело колесо
по внутренним дорогам сердца.
Теперь, когда кругом замок
повешен, так ли ново в бегстве
во глубь себя искать зерно...
Притушен свет, приглушен отзвук,
ложится пыль на суть вещей,
лишь где-то под корою мозга
древесный сок — струит сквозь щель.

* * *

На колёсах деревянных
деревянный коник
въехал в комнату, где Ваня
умер под иконой,
а до этого родился
в деревянном срубе,
в деревянной люльке вырос,
выпал, словно рубль —
не железный — деревянный,
закатился в щёлку.
Въехал коник: где же Ваня
наш розовощёкий?

Деревянной половицы
скрип не извлечённый —
без звучания пылится,
спит под тенью чёрной.
За древесною золою
с маленьким совочком
ночь пришла бы, только, к слову,
договор просрочен.
Деревянный конь вкатился
в прежние пределы:
всё за досками из тиса
одеревенело...

* * *

Голова твоя — берлога,
в ней сопит больной медведь,
он решил, что сон — подмога
в гиблом деле, где лишь смерть —
общее мерило судеб.
Спит — и будто бы вокруг
время превратилось в студень,
содрогаясь, но испуг
не кормя на блюдном берегу
с окровавленных ножей,
что так жадно даже в неге
вглубь прорезались уже.

Сон — не в руку и не в ногу,
ни в лопатку, ни в крыло.
Льдом окутало берлогу,
ах, куда ж вас занесло.
Спит медведь — и снится лето:
мёд — без жал, малина — без
егерей, что бьют дуплетом
из кустов у входа в лес.
Голова твоя — вмещает
бурой шерсти целый ком,
то есть полнится вещами,
соревнуясь с чердаком.

Вот проснётся косолапый —
иго хвойное пойдёт
под конвоем по этапу
на безъягодный компот.
По-над ухом взвоют пули,
волчий вспенится оскал.
Глядь, а ты уже в июле,
правда, в отпуск опоздал —
только топи да овраги,
мошкара и прочий гнус.
Зверь отыщет лист бумаги
и попробует на вкус.

* * *

Шагали б мы по улице Стравинского,
когда б она была на самом деле
в том стряпчем месте, где артель неистово
болгаркой с перфоратором владела.
Тонула в накатившей какофонии
любая тонко выданная нота,
ведь звуки эти не в оркестр оформлены,
как, впрочем, и не в строевое что-то...

Уехать бы в абстрактную Венецию —
качаться на волне простых рефлексий,
как делают стихи после Освенцима,
измученные поисками версий.
Вот за окном горит весна священная,
да что поделывать с пустотою зала...
Артель сверлит до мозга в помещении,
где кто-то спрячет нос под одеялом.

Когда была б здесь улица Стравинского,
всё стало б хоть немножечко понятней.
Чу! Суд идёт, и время пахнет исками,
хоть в деле столько много белых пятен.
Ветвь лавра увядает в клюве голубя,
сидящего на пепельном карнизе,
но дети, короля увидев голого,
его и пририсуют к Моне Лизе.

* * *

Вот бидончик чёрной краски,
вот растрёпанная кисть —
всё заляпать маркой ваксой,
всё замазать сверху вниз,
хаотично, методично
или как пойдёт рука.
Хватит этих жалких птичек,
что, страшась грузовика,
разлетаются вдоль трассы,
хватит этих пантомим
в грудах тары из пластмассы
посреди раскисших зим...

Густо-густо. Климт был Густав,
но сусальным нет тонам —
чёрным-чёрным, чтоб уж пусто,
словно ночь без звёздных тайн.
Раз уж ничего не нужно,
раз уж музыка слаба,
заковать мазутной стужей
цвет, как вздорного раба.
Запереть в тисках квадрата —
без Малевича, а так,
будто кроешь битой картой
вновь проигранный пятак...

* * *

Как Гвидон в бульон из лебедя,
как козлёнок в молоко,
речь ныряет в омут лепета
до абсурда глубоко.
В четырёх стенах, что в коробе,
остывает пресный корж,
пока ходит тень по городу,
наточив укромный нож.

Воет долго, но безадресно
ветер в жестяной трубе
водостока, что свисается
с крыши, прислонясь к стене.
В этом есть немая исповедь,
скрытый вывих языка,
с чем продолжают перелистывать
воздух лапки паука.

Над пустующими парками
кроны прошлого плывут.
Здесь не то ещё варакали
листья, падая в траву.
Почернело там, где прочерком
прободная язва жгла
графы без имён и отчеств, но,
значит, в них и зрела мгла.

Перемешивают ложечкой
гущу сказанного вслух,
а вдоль блюда бродят лошади —
прошлогодний рвут лопух.
Электронный адрес вынянчил
одиноким голос твой,
вот и будем, зенки выпучив,
ждать рассвета под водой...

Пётр Ротман

Истинное сияние чистого ума

Повесть

Много лет назад в Таиланде близлежащие к монастырю деревни устроили праздник. Звук из колонок был такой силы, что казалось, он сейчас разрушит весь покой нашего монастыря. Поэтому мы пожаловались нашему учителю, Аджану Чаа, что шум мешает нам медитировать. Великий учитель ответил: «Это не шум мешает вам, а вы мешаете шуму!»

Аджан Брам. «Осознанность, блаженство и далее».

— А у тебя что, уже новый? Десятка?

— А, да, так получилось, там восьмерка... слушай, да у тебя тоже «Самсунг» твой, «Таб» или «Гэлэкси» там, тоже не слабый, я не очень в андроидах этих, ну, хорошие телефоны я знаю, но я же, как в 2007-м купил свой первый «Мак», так и стал мак-наци. Правда, что б там не говорили, а «Эплл», ну лучше у них всё, я с этим гребаным «Майкрософтом» натерпелся, а тут тебе никаких «программа допустила ошибку и будет закрыта», троянов всех этих, надежней всё, да и дизайн само собой. Девушка, меню, пожалуйста.

— Да, знаю я вас, маководов, яблочерочеров, всё у вас, понятно, лучшее, а реально, цены, ну просто пипец, ни в какие ворота, и косяки, плюс сама архитектура в айфоне этом, ни доступа к файловой системе, всё что вам «Эплл» подкинет, вы и хаваете.

— Да не, «Сири» — говно, гораздо хуже, чем «Гугл». Господи, вот о какой херне мы только не говорим! Вот раньше в универе, помнишь, на крыше на Владимирской бухали, какие были разговоры — и о Кьеркегоре, у тебя книга была дореволюционная, мы его еще Киркегаардом называли, и что такое «событие», «память», и не типа там «сколько у него гигов на борту?», а пытались разобраться, почему она так устроена, для чего по сто раз прокручиваются одни и те же мысли, к примеру... Chocolate brownie (с американским акцентом), пожалуйста, и американо. И стаканчик воды. А ты что будешь?

— Извините, шоколадного брауни сегодня нет.

Ротман Пётр Александрович — кандидат социологических наук, работает социологом в Высшей школе экономики. Родился в 1971 году в Ленинграде. Печатался в журналах «Новый Берег», «Звезда». В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Ладненько, тогда клубничный чизкейк.

— К сожалению, его тоже нет.

— Ага. Окей, ничего страшного, сейчас я посмотрю. А шарлотка есть у вас?

— Есть.

— Замечательно. Значит, шарлотку и американо. Да, и стаканчик воды.

— А мне яблочный штрудель и капучино.

— Хорошо, спасибо за заказ.

— Сейчас, чё-то отвлекся. Чё я говорил? Да, вот, говорю, пытались разобраться, экзистенциальные всякие вопросы разбирали...

— Ну и что, разобрались? Тоже херней страдали, только другого рода.

— Да нет, не херней, интереснее жить было, свежее, всё анализировали, пытались понять, как дети. Сам процесс был интересен, а не результат — какая разница, что ничего не поняли, ни жизни, ни этого самого пресловутого «смысла жизни». Нет, и сейчас, слава Богу, не только о девайсах говорим, конечно, и про альбомы джазовые; ты вот театралом заделался, посоветовал мне «Губернатора» — мощная вещь, сцена с трупами там просто блеск, и голос закадровый, такой вроде как бы безразличный по контрасту с жестью, что там происходит.

— Ты, кстати, единственный из моих друзей оценил. Ну, конечно, купят на галерку билеты, оттуда не видно ни хера, а потом, типа, ну норм, Андрей, но я не понимаю, с чего ты там тащишься.

— Нет, я на первый ряд купил, все, как ты советовал. Ну вот, я все о своем. В общем, знаешь, жизнь как-то не радует. «Нет в жизни счастья». Вроде ведь сбылось все, о чем мечталось, так сказать, на студенческой скамье. Конференции во всех частях света, гранты, публикации. Помнишь, я в общаге, пьяный, еще любил Северянина читать, для прикола как бы, хотя никакой это не прикол был на самом деле, а мой гимн, только признаваться не хотелось, стеснялся — «ветропросвист экспрессов, крылолёт буеров» и заканчивал всегда «из Москвы в Нагасаки, из Нью-Йорка на Марс!», и залпом водяру ту паленую! Ахх, вспомнил, даже сейчас пробирает. Да вот хоть последний год взять, Йокогама (не Нагасаки, но ничем не хуже, я еще как доклад свой отчитал в первый день, повезло, что на первый день поставили, так отчитал и забил на всю эту конференцию и рванул в Киото, там такие храмы, преступление не посмотреть, а конференции эти, что я там не видал?), так вот, Йокогама, Сан-Диего, Бангкок, Амстердам, Цюрих, Мельбурн, Дели, да еще и Новый год в Камбодже, майские во Фландрии, отпуск — взяли машину и по маленьким городкам Тосканы. Да, конечно, забыл, и Нью-Йорк мой любимый, там мы по проекту встречались, в сентябре три недели жил на Когеа way, маленькая такая улочка рядом с Таймс-Сквер. И при этом синекура в одном из лучших российских университетов — «интересная работа, дружный коллектив, гибкий график, достойная оплата труда». А если серьезно, то действительно, ведь не только в буржуазной успешности дело, правда, люблю я свою работу, и удалось кой-чём сделать за эти годы, люди в моей области по всему миру меня знают, уважают. Я там в редсоветах нескольких крупных международных журналов, в членах жюри всяких. На днях Ленку встретил с нашего курса, помнишь, такая худенькая была, а джинсы широкие были «Пирамида», смешно смотрелась, их тогда откуда-то завезли на всю страну, в кооперативах продавались. Дорогие были, кстати. Звонкий еще мутил с ней. Бегаёт сейчас по парам в двух каких-то непонятных конторах по печати дипломов, да еще и репетиторствует. И деньги смешные. Заскочили кофе выпить, поболтали, она и говорит: «Мне бы вот хоть год пожить твоей жизнью, все бы отдала!» А я даже, чтобы как-то она не чувствовала себя совсем уж полным

лузером и чтоб не выглядело это совсем уж бесстыдным хвастовством, половину рассказал только. Но врать, что и у меня вот так же, как у нее, тоже не хотелось. А все равно, когда это рассказываешь, *это не может не выглядеть* хвастовством, понтами. С таким контентом все равно получится выпендрож, либо наглый и беззастенчивый, либо какая-то показная онегинщина. Я вот перечисляю сейчас тебе все это, излагаю, так сказать, свою жизнь и сам себе не верю, «нет, ну это же сказка просто, а не жизнь, как это может не радовать, что за пижонство, позерство?» А вот может. В полном соответствии с законами биологии. Толерантность. Привыкаешь. И все становится само собой разумеющимся. Как те в том исследовании, что выиграли в лотерею десятки миллионов, и всплеска радости и счастья примерно на год хватило. Доза должна расти. Я помню, мою первую статью взяли в сборник хороший, в Лондоне выходила книга, я три дня толком ни спать не мог, ни дома усидеть. Все бродил и бродил по Петербургу кругами — Фонтанка, Грибоедова, Мойка, Фонтанка, Грибоедова, Мойка — тройка, семерка, туз — прямо помешательство, был такой кайф, просто не успокоиться. А сейчас статья выходит в десять раз более престижном журнале и, нет, конечно, есть и радость, и удовлетворение, но все равно, типа, ну да, норм. Теперь понимаю, что даже если б самим Вебером или Дюркгеймом стал, то все равно и к этому бы привык. Что, они жили, постоянно купаясь в славе и наслаждаясь жизнью? Или Эйнштейн там? Шарлотка, кстати, черствовата. Ладно, ничего, какая есть. Ешь что дают, как мне мама в детстве говорила.

— Зажрался ты, брат. Можно ведь и так сказать, без всякой биологии.

— Да, зажрался! Сам понимаю. Но понимание ничего не дает, вот в чем дело! Я только относительно недавно это понял. Хотя и не так уж недавно... к сожалению, достаточно давно, на самом деле. Я раньше думал, что можно что-то понять и это что-то изменит. Вот, раз ты понял, ты же не дурак, чтобы наступать на те же грабли, тем более по сто раз. Это все от греков, Платон, Аристотель, западная наша традиция — рацио. Вот и сейчас, да, допустим, можно сказать — зажрался, можно пытаться объяснить это эволюционными механизмами, но толку-то. Легче от этого не будет, можно сколько угодно повторять про себя, что есть дети Африки, есть просто куча народу, кому тяжело, есть куча народа, которые завидуют твоей жизни, — никакого эффекта, я пробовал. И со всем остальным тоже так. Я вот знаю, что меня постоянно все бесит, отравляет жизнь, особенно в ресторанах, кафе, гостиницах. То гарнир холодный, то номер на первом этаже рядом с лифтом, то счет долго не несут, то не так, это не так. И еще вот особенно напрягает, что и отели, и рестораны, и кафе эти — они типа хорошие, я за это вообще-то нехилые бабки плачу. Вроде я ведь не требую, чтобы все было идеально, мне кажется, мне просто надо, чтоб было нормально. Мне не нужен номер с видом на море, но хотя бы чтобы я не слышал, как там соседи трахаются, как будто это у меня в комнате. В Лондоне, когда я в Лондонскую школу экономики ездил на конфу, меня поселили, нет, ну реально вроде отель три звезды, платил не помню, но, по-моему, фунтов сто двадцать в сутки, но там из картона, такое чувство, стены были сделаны. Я — на рисепшн, прошу сменить номер. Мне дали на первом этаже. Оказалось, рядом кухня, они начинают жарить этот чертов бекон часов в шесть утра, я весь нахер пропах этим беконом, неудобно даже на конфе было, будто я только что от своего стенда с хот-догами отошел — типа решил подработать гастарбайтером, — фром хангри Раша — это еще в девяностые было, спать тоже невозможно, в комнате дым стоит. Инглиш брекфаст, блин. Я опять на рисепшн, прошу куда угодно, только не рядом с кухней. Ну, вернули назад. Но мне уж похер было на звуки. Вот. Так и жил в этом траходrome. И таких примеров... И я вроде понял, что

Евгения Джен Баранова

Из несбывшихся сердец

* * *

У меня внутри деревня
из несбывшихся сердец.
«Жизнь — возможность тратить время», —
говорил мой друг — певец.

Там, где музыка гремела,
где клубился Амстердам,
остаётся только тело,
то, что пляшет неумело
по стихам.

То, что пляшет водомеркой
и скулит — о ком? о ком?
Нарезает зелень мелко,
заправляет чесноком,

выбирает соус (лучший
из предложенных) в салат.
Жизнь — возможность тратить душу
на ненужные дела.

Евгения Джен Баранова — поэт, переводчик, редактор. Родилась в 1987 году в г. Херсоне (Украина). В 2011 году окончила Севастопольский научно-технический университет. Автор четырех поэтических сборников, среди них «Хвойная музыка» (М., 2019). Участник арт-группы #белкавкедах. Сооснователь литературного журнала «Формаслов» и одноименного издательства. Лауреат многих литературных премий, в том числе журнала «Дружба народов» (2019), финалист премии «Лицей» (2019), молодежной премии СНГ «Содружество дебютов» (2020) и др. Живет в Москве.

* * *

Где золотое, там и белое.
Надеть всё чистое, уйти
туда, где бабы загорелые
не разбираются в IT.

И над судьбой своей наморщиться,
и тронуть кедами прибор.
Весна, патлатая уборщица,
не пощадила никого.

И вот июль уже разделали,
и август звёздами прибит.
Где золотое, там и белое
кипит, и жалит, и кипит.

Лечу ли аистом над крышами,
пытаюсь тенью рисковать —
лишь золотистой пылью вышиты
на белом воздухе слова.

* * *

Мир меня поймал, но не ловил.
Что поделать с пленником — не знает.
Я живу от клавиш до чернил
и над запятыми унываю.

Ничего не будет хорошо,
из телёнка сделают ботинки.
Выдумала пасеке стишок —
выдумаю подвиг для пчелинки.

Выдумаю море во дворе,
выдумаю почерк на конверте.
Интересно, думал ли орех,
что родится шкафом после смерти?

Интересно, думала ли я,
хлопковая куколка пустая,
что уйду в молочные края,
в киселе и йогурте растаю?

* * *

Я прячу в долгой тишине
защитные огни.
Они молчат, молчат во мне,
а я теряюсь в них.

А я качаюсь рукавом,
невидимо дышу.
Плетёт обиды метроном
ритмический маршрут.

Океанической траве
смешны движенья рыб.
Но неужели я мертвец,
актиния,
полип?

Ни свежих слов, ни новых жабр,
ни сна на берегу.
Я не умею продолжать
и бросить не могу.

* * *

Нас очень много — пишущих и длящих,
впадающих в верлибр или в немилость.
— Ах, Машенька, была ли настоящей?
— Ах, Петенька, конечно, я приснилась.
Проходим незнакомцами смешными,
качаясь на верёвке бельевой.
— Ах, Дашенька, осталось только имя.
— Ах, Фёдор, не осталось ничего.

И букли, и турнюр, и гимнастёрка —
ничто не изменяет, всё искрит.
— Ах, Полинька, вы ждали слишком долго.
— Ах, Всеволод, оставьте ваш иприт.

Нас очень много.
В этом ли причина
неузнавания — хоть вейся, хоть лютуй.
— А если буквы — поезд журавлиный.
— А если тело — только поцелуй.

Георгий Панкратов

Пятеро

Рассказы

Ревность

1

Деньги были, и придумать то, что она просила, казалось не слишком сложным. Я начинал тогда работать над проектом, который должен был иметь коммерческий успех, средства вливались немалые, я не нуждался ни в чем: все последние технические возможности и научные разработки были в моем распоряжении, а успех проекта и его дальнейшее внедрение позволили бы мне прожить безбедно весь остаток жизни. А жить я планировал долго и, разумеется, счастливо.

Я был одним из самых перспективных молодых специалистов, уже имел достаточный опыт в работе со звездным светом. Обо мне говорили, меня рекомендовали. Моя профессия так и называлась — «корректор дальних звёзд». Хотя в реестре профессий она, конечно, не значилась, нас были единицы во всем мире. Да и когда речь идет о проекте, который меняет мир, и его доверяют тебе одному, имеет ли смысл говорить о точном названии?

Если совсем кратко, меня приглашали работать над упорядочиванием света дальних звезд и в отдаленной перспективе направлением его в нужное клиенту русло, а сейчас — моему заказчику на Земле, крупному метанаучному центру. Клиентами могли быть развлекательные комплексы или, напротив, деловые центры — все, кому мог потребоваться ночью яркий, несогревающий свет. Услуга могла потребоваться для корпоративов, дней рождения; конечно, такое доступно лишь избранным, но ведь прежде — не было доступно никому! Повторюсь, я собирался менять мир.

Принцип коррекции заключается в том, чтобы собрать тусклое свечение дальних звезд, рассеянное хаотично вокруг источника, который зачастую уже давно погас, в условный концентрированный пучок, перенаправить этот пучок к Земле, будто

Панкратов Георгий Витальевич родился в Ленинграде в 1984 году. Окончил гуманитарный факультет СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Урал» и других. Автор книг «Российское время» (СПб., 2019), «Мечта о прекрасном, несбыточном» (М., 2020) и других. Проживает в Севастополе и Москве.

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

мячик, и «раскрыть» над конкретным районом, где позарез требуется ночное освещение. Концентрированный свет тратится куда быстрее, чем неспешное многолетнее свечение, но он гораздо ярче и создает эффект десятков тысяч обыкновенных люминесцентных ламп, расположенных над освещаемой территорией. Свет проникает всюду, даже в самые потаенные уголки зданий, и необходимость в других источниках полностью отпадает. По крайней мере, по нашим расчетам все должно происходить именно так.

Для работы со светом построили станцию — небольшую продолговатую капсулу с огромным экраном на одной из сторон. Ее создавали не под меня, мне лишь доводилось бывать в ней, когда она еще стояла на Земле. Иногда ее поднимали ненадолго в небо и потом возвращали на Землю. Новый проект требовал длительной и кропотливой работы, и по условиям сотрудничества я должен был поселиться на станции, подняться к облакам и, зависнув под ними, жить и работать. До тех пор, пока не совладаю со светом, приучив его светить не там, где ему хочется, а там, куда укажет заказчик. Я мог самостоятельно подниматься вместе со станцией выше облаков и опускаться снова на дозволенное программой и необходимое для работы расстояние, остальные же передвижения управлялись только с Земли.

Все это было заманчиво, я реально мог стать первым человеком на Земле, провернувшем *такое* со светом. Я мог стать не просто корректором, а настоящим властелином дальних звезд, и эта мысль пьянила. Уже одно то, что мне оказали такую честь, поднимало мое тщеславие на невиданную высоту. По сути, чем я занимался раньше? Ну да, изучал звезды, ловил пучки света, транслировал их на землю, где в составе нашей небольшой команды долго, кропотливо, и не сказать, что слишком увлекательно, исследовал. Иногда получалось схватить небольшое облако света, сконцентрировать в пучок и бросить на освещение маршрутов для нашего космического флота. Но пучки выгорали стремительно, и министерство публично выговаривало нам: мол, в маяках такого качества мы не нуждаемся, маяк — это надежность, а ваши пучки один смех в лучшем случае, а в худшем — неверная дорога и гибель корабля. Такого не случалось, но послушав эти разговоры, на высшем уровне решили резко сократить нам финансирование. Наш центр был вынужден искать частных инвесторов, и вскоре пришлось перепрофилироваться: где большие деньги, там огромные задачи. Когда я впервые узнал масштабы запросов, был поражен: это вам не «фонарики для корабликов», как иронично отозвался наш руководитель. Нужно было высасывать весь свет из звезд небесных и выкладывать на блюдечке «звездам» земным.

Признаюсь, я думал недолго. Но у меня было условие.

— Мне нужна комната, — сказал я нанимателям.

— Само собой. Вы были на станции и прекрасно знаете, что там есть рабочая зона и зона отдыха, а также зона, где вы можете привести себя в порядок...

— Нет-нет, вы не поняли. Мне нужна *моя* комната. Я хочу, чтобы из моего дома... Он небольшой... Чтобы разобрали стены, пол и потолок. И воссоздали их на станции.

Они обещали подумать. С той встречи я беспокоился лишь об одном: только бы они не приняли решение снять меня с проекта. Я рисковал, рисковал ради Тебя.

Но Ты удивила меня. Помнишь, что Ты сказала?

— Нет, конечно, я рада. Но я не готова, понимаешь? Не готова жить между землей и небом, не готова потратить годы на какой-то станции.

— У нас будет своя комната, — убеждал я Тебя. — И не такая же точно, а *вот эта самая*. В которой мы впервые... в которой мы прожили, провели...

— Мы даже не женаты, — возражала Ты.

— Поверь, едва я овладею звездным светом, как мы вернемся сюда. Эту комнату вставят обратно, воссоздадут. И мы тут же исправим!

— Ты лучше скорей возвращайся, — говорила Ты и уходила, не желая продолжать разговор.

Вскоре меня пригласили наниматели.

— Что ж, — услышал я. — Для корректора у вас немалые запросы. Но мы посоветовались и решили: ваша комната будет на станции. Собираетесь жить с женой?

— Она не жена мне. Просто любимая. Мне бы хотелось, чтобы ее могли привозить и забирать обратно. Это будет не так уж часто, я даже не требую дополнительных рейсов. Только те, что и так в плане.

Они дали согласие и на это. Но Ты сумела снова поразить меня.

— Мне нужен твой клон. Ты ведь не думаешь, что я хочу лишиться тебя совсем?

Я не поверил своим ушам. Ты не соглашалась лететь *со мной*, но не хотела оставаться *без меня*!

— Послушай, ты ведь понимаешь, что клон — это не я? Ты насмотрелась сказок о далеком прошлом и плохо ориентируешься в реальности. Это лишь название для удобства: клон.

— Я понимаю, — твердо сказала Ты. — Не думай, что я глупышка. Их называют еще мужеботами. Ну, если они для женщин.

— Да как ни назови! Это оболочка, как резиновая кукла, пусть даже во много раз реалистичнее. Она не станет мной!

— Успокойся. Я буду помнить, что это не ты.

— Хорошо. Допустим, я ничего не имею против. Но ведь Ты знаешь, что сделать клона — это не взмахнуть рукой, не дунуть-плюнуть. Это кропотливая работа, сбор информации, построение воздушной матрицы, овеществление ее, наращивание тела. А мне завтра приступить к проекту, я просто не успею!

— Что ж, готова подождать, — согласилась Ты. — Сделай клона там. А когда приеду в гости, заберу.

«Приеду в гости...» Как это мило прозвучало: приеду. Все звезды на небе свидетели: я не хотел терять Тебя. То, что Ты придумала, было на грани шантажа, но я любил Тебя.

— Но если об этом узнают... — робко возражал я.

— Ты сам говорил, для создания клона нужно только несколько программ. Ну и материал для тела, но в своем статичном виде он весьма компактен. Ты сможешь там этим заняться, а когда клон будет готов... Ну, убеди их, если просекут, что ты им нужен как специалист, похвастайся успехами. Они ведь будут?

Да уж. Пока я вечно смотрел на звезды, Ты обеими ногами стояла на земле. Это первичные потребности, без них не обойтись так долго, убеждал я сам себя. Хотя идея делать «это» с клоном вызывала оторопь.

Ты ничего от меня не скрывала. Была такой, какая есть. В конце концов, мы не первые и не последние в мире, кто создавал клонов, чтобы использовать их так. Удовольствие не из дешевых — материал, все эти программы, и не из простых. Но когда-то, на заре времен, и обычный 4D-принтер казался чем-то необыкновенным.

Юлиана Ульянова

Правда о ближнем

Маятник

Все уезжают из страны —
давно тесны её границы.
Все убегают из страны —
как из тюрьмы или больницы.

А я, как маятник, стою
не на краю, но близко к краю —
и то билеты достаю,
то машинально убираю.

От Биржи Вечного Труда
с гнилым амбаром Минсельхоза
страдальцу хочется туда,
где устарела эта поза.

Где дарят разный капитал —
и материнский, и дочерний.
Но — цвет небес, родной металл...
Но — этот нежный свет вечерний...

Заката робкое клише,
что розовел над кромкой леса,
и отпечатался в душе, —
как будто пятка Ахиллеса.

Ах, эта бедная душа,
как приживал, сидит на шее —
и жизнь-то ей нехороша,
и смерть-то ей нехорошее.

Юлиана Ульянова (псевдоним; настоящее имя — Юлия Игоревна Ульянова) — поэт, литературный критик. Родилась в 1985 году в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ и магистратуру Государственного университета управления. Выпускница литературной студии «Луч». Автор книги стихов «Девочка с демонами» (М., 2010). Составитель поэтических антологий для издательства «Эксмо», в том числе «Страшные стихи» (совместно с Д. Быковым). В журнале «Дружба народов» печатается впервые. Живет в Москве.

Сон князя

Князь беспокойно ворочался, понимая,
что русский народ — раздроблен, дремуч, незряч.
С юга на Русь катилось войско Мамай —
чёрный гремящий шар, человекомяч.

Князь был печален, светел, был безутешен.
А внутренний голос вещал каждый день в году:
«Что тебе эта родина? Горсть скворечен,
белый костёр на льду.

Тьма путевая, локация огневая.
Власть меховую шкурою на плечах
тяжко лежит у тебя, и она — живая,
а ты уж поди зачах.

Брось, отрекись, ибо крови твоей не стоит
тёмная Русь, и трагедию не ломай.
Так ли она — взаправду — страдает, стонет?
Так ли уж плох Мамай?»

Князь усмехался, и месяц-кузнец над Доном
лил серебро расплавленное над рекой:
«Что ж отступить, если даже во сне ладоням
слишком легко без меча да тяжёл покой?»

Видел под утро княже родные сечи,
красные речи, горящие города...
Вечна — резня. А этот Мамай не вечен,
как и его орда.

Смоленская дорога

Не с бравадой российской, а с робкой печалью вселенской,
отстапая тихонько по старой дороге смоленской —
в тишине,
на своих на двоих,
без коней и орудий,
ковыляем, как будто от фразы отставший герундий.

По России, в мороз, и пешком, и совсем без оружия —
а на снежную мягкость ложатся копыт полукружья,
развевается облачко дымное — сера, не порох —
это правда о ближнем в дорожных рождается спорах.

Кто он, рядом идущий?
Скрывает лицо капюшоном
и впивается в путников взглядом своим отрешённым,
этим глазом пустым, почерневшим стеклянным софитом,
под которым скопытиться хочется нам, неофитам.

Он кивает, он нас утешает, он всё понимает —
то один, то другой поскользнётся и ногу ломает.

Он к упавшему бросится, вьётся, юлит, убеждает
распрощаться с морозной страной, что нас всех побеждает,
с молодыми берёзками, с домом, кривым и белёсым —
этим рубленим символом грусти за лесом и плёсом,
с доморощенной русской тоской, завывающей в песне,
даже с матерью нищей, живущей на пенсию в Пензе, —

чтобы к чёрту летели куличики-тройки-савраски!
чтобы только бушующий праздник и яркие краски,
только синь высоты, где безумная пляшет сорока...
А не эта забытая Богом родная дорога.

Дрожащая тварь

Дрожащая тварь дрожит не всегда —
например, не дрожит от любви
и от радости где-нибудь в зале суда,
где вопрос в её пользу решён.

Не дрожит от волнения без ясных причин
в ожидании нового дня,
от рождения текста в глубокой ночи —
хотя автор в халате смешон.

И от смеха она не дрожит никогда,
и хотя она вовсе не тварь,
ей смеяться нельзя и не можно смешить,
а то могут её зарубить, задушить,
говоря на жаргоне — пришить.

А когда наступает свежайший январь,
то есть новый радостный год,
она ходит по тёмной квартире пустой
и не может унять свою дрожь —

и молекулы мира синхронно с ней
вдруг приходят в движение,
колебание эфира, вращение сфер,
всей планеты кружение...

Как мотор завели — снега замели.
Механизмы мира просты.
Вот дрожащая тварь — это соль земли.
А кто, собственно, будешь ты?

Евгений Каминский

Отпалка

Повесть

Едва застрекотало над сопками (правда, глагол этот ни в коей мере не отражал ужас, творящийся в небе: что-то большое и железное с треском рвало воздух в клочья, грозя рухнуть в образовавшуюся дыру), Бызов направился к поселковой площади — небольшому участку тундры, распаханному «Катерпиллерами» до коренного плитняка. Здесь проходчики и буровики, спотыкаясь и хрипло матерясь, играли по воскресеньям в футбол, а в остальное время вольный ветер гонял туда-сюда тучи звенящего гнуса.

Вертушка натужно снижалась, выискивая место понадежней.

С каждым вертолетом в поселок помимо муки, консервов, завербованных на материке рабочих или прокурорских работников (что делать, и здесь, на краю земли, советские люди калечили друг друга по недосмотру или убивали по пьянке), сдержанно покашливающих в кулаки кабинетной пылью, с бумажными папками под мышками, на которых написано «Дело», доставляли почту.

И каждый раз, когда небо разрывали лопасти вертолета, Бызов спешил на площадь, надеясь получить письмецо от невесты. По крайней мере, считать таковой однокурсницу Катю, с которой у Бызова уже два семестра как развивался роман, тут, за тысячи километров, было утешительно. Полноценными письмами Катины послания нельзя было назвать: так, несколько необязательных вопросов к нему, несколько игривых ответов на его «проклятые» вопросы («Так было у тебя с ним или нет?») да незамысловатое описание собственной жизни — мол, живу без тебя монахиней в келье. Одна кукую... А ты поди проверь! И ни слова о любви. Верней, все слова о любви, но не о той, полновесной, кипящей в крови и ноющей в сердце, в которой нуждался Бызов, а какой-то картонной, не имеющей вкуса и запаха. Однако и эти тощие конверты с картонными чувствами от Кати были необходимы Бызову, чтобы хотя бы в грёзах оказаться там, на большой земле, или, как говорили здешние аборигены, на материке. Говорили, несмотря на то, что обитали не на затерянном в океане острове, а на северной оконечности Евразии. Эти люди считали себя до зарезу необходимыми стране героями-геологоразведчиками, обеспечивающими ее золотым запасом и престижем. Когда они говорили об этом, лица у всех становились значительными, как

Каминский Евгений Юрьевич — поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1957 году. Автор 10 поэтических сборников и нескольких книг прозы. Лауреат премии Гоголя за 2007 год. Живет в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2019, № 7.

у руководителей страны, а в глазах заводился романтический сквознячок, как у космонавтов перед стартом. Будто и впрямь они отказались от самих себя ради блага родины и, лишенные элементарных человеческих благ, обитают в безвоздушном пространстве. Отчасти эти настроения аборигенов были небезосновательны, поскольку «контингент» попадал сюда всегда минимум на три года и преимущественно по воздуху (на вертолете) или, на худой конец, с караваном «Уралов», груженных харчами, горючкой, буровыми трубами и запчастями к технике, сутки, двое, трое ползущих по рыхлым руслам мелководных чукотских рек.

Вертолетчики стремительно выбрасывали на плитняк мешки да баулы, ставили один на другой ящики с консервами, извлекали на свет божий укачанных до положения риз баб с поклажей, коих тут же принимали под белые руки мужа — буровики, проходчики, бульдозеристы, перво-наперво спрашивавшие: «Привезла?», имея в виду питьевой спирт. Бледные тетки, не в силах сопротивляться такому прямому вопросу (а ведь собирались поглумиться, заявить благоверным, что «о спирте-то у них вылетело из головы», так что пусть теперь *насосы прокляты* переживут небольшую клиническую смерть), вымученно кивали, и на лицах у них было написано: «Ой, сейчас умру»...

Надо сказать, прилетали сюда и улетали отсюда только по записке начальника экспедиции, дважды орденосца, члена бюро Магаданского обкома партии, маленького, можно сказать, миниатюрного, но при этом отчаянно напоминавшего уличного хулигана из рабочего поселка. Ходил член бюро обкома всегда насупившись и неизменно в лётной кожаной куртке. При разговоре с подчиненным (а тут все были его подчиненными) он вращал глазами так, словно собирался подчиненного если не ограбить, то, как минимум, ударить по лицу в наказание за что-то. Но за что?! Именно он еще в начале июня дважды не пропустил Бызова в вертолет, который должен был лететь в поселок. Бызов куковал уже несколько ночей на цементном полу Певекского аэровокзала и даже успел отравиться какой-то падалью в местном буфете. Не пустил, несмотря на то, что Бызов лез к нему со своим командировочным предписанием, выданным в Центральной лаборатории в Магадане, где было четко прописано место назначения. И только через неделю позволил-таки немытому, опустившемуся Бызову занять место среди поселковых баб, регулярно летающих из поселка в Певек к гинекологу. (И хотя знал член бюро обкома, сам каждую неделю мотавшийся по неотложным делам через Певек в Магадан и обратно, что летят бабы за спиртом для своих мужиков, против гинеколога был бессилен.) Да, позволил, но лишь прочитав переданную смущенным Бызовым записку, адресованную орденосцу товарищами из Магадана, которая начиналась так: «Дорогой Ильюша! Этот мальчик питерский...», и которую Бызову было стыдно предъявить Ильюше, поскольку Бызов считал подобную *блатную* записку излишней мерой в том благородном предприятии, в котором он подвизался участвовать на благо родины. К тому же — проявлением слабости (что я — баба на сносях и не могу потерпеть?), которую все же проявил, боясь, что если не проявит, то либо умрет от истощения, либо завшивит и забичует, так и не добравшись до места назначения. Правда, и слово «мальчик» в записке саднило Бызову душу, и он несколько раз порывался выбросить этот свернутый вчетверо тетрадный лист. И если бы не какие-то вопросы непосредственно к Ильюше автора этой блатной записки, непременно выбросил бы как опасную для себя улику.

Этот Ильюша, смотревший на Бызова, словно громовержец из туч, и говоривший с ним, как записной Бармалей (а как еще прикажете говорить с контингентом, который на пятьдесят, а то и на все сто процентов состоит из бывших уголовников, знающих цену и себе, и слову?!), имел весьма непривычную для этих мест и

занимаемой должности фамилию Розенблюм. Весьма странной ее, правда, посчитал хитроумный, как Одиссей, студент Ципкин — коллега Бызова, всегда глядевший на вещи чуть шире и уже почитывавший самиздат. Бызов же не видел в этой фамилии ничего странного, но будь его воля, он попросил бы Розенблюма отрастить подлинной бороду, чтобы предъявить бородатого Розенблюма хитроумному Ципкину: «Ну разве не Карабас Барабас?»

— А где почта? — возопил вдруг кто-то из толпящихся возле вертолета, и Бызов сделал стойку.

Обычно почту доставляли.

Но на этот раз забыли.

Это было неслыханно — оставить мешок с корреспонденцией на материке. А как же они, отказавшиеся от себя ради страны первопроходцы, золотодобытчики, герои, ждущие весточку с большой земли?!

— Да в воскресенье еще вертушка будет! — попытался примирить золотодобытчиков с действительностью вертолетчик. — Просим прощения, конечно. Очень торопились. Метеосводка, сами понимаете...

Дальше Бызову стало неинтересно. Сунув руки в карманы, он отправился в барак читать толстенный московский журнал с повестью о директоре провинциального завода, безответственно влюбившегося в московскую корреспондентку и тем самым всерьез покачнувшего *устои*. Им, этим вертолетчикам, которые сегодня здесь, а завтра там, у которых дома баба и пельмени *когда захочешь*, оказывается, ничего не стоило забыть почту для них, лишенных здесь и собственных баб, и домашних пельменей.

Это было больно, но не смертельно. Бызов это уже проходил. Теперь требовалось побыстрее выбросить Катю из головы. Напрочь! Ну или на несколько дней. В общем, перетерпеть, перемучиться. Он шел и чувствовал себя осужденным на казнь, которому следует перестать надеяться на чудо, чтобы освободившимся от всего тут без сожаления вдруг оказаться *там*...

Перед Бызовым маячила женщина (судя по крепкой, тонкой фигуре, молодая) в белом, бьющемся на порывистом ветру и то и дело залипающем на спине и бедрах платье, тащившая огромный чемодан и ребенка. В одной руке чемодан, который она то и дело ставила на плитняк, чтобы перевести дыхание, в другой — ладонь мальчугана лет четырех. Мальчуган упирался. Потрясенный местным ландшафтом, с открытым ртом он озирался на высящиеся тут и там сопки, которые август уже задрапировал разноцветным — от охристого до красно-бордового — велюром. Этого мальчугана словно без предупреждения высадили на Луне, и теперь он хлопал широко расставленными глазами, силясь вместить увиденное.

Не испрашивая разрешения, Бызов мягко, но настойчиво отобрал ручку чемодана у женщины и сразу понял, что в чемодане, помимо одежды, лежат пудовые гири, чтобы придавливать ими грибы в кадках.

— Я донесу. Вам куда? — хрипловато (его жилы чуть не лопнули от напряжения) спросил он, глядя вперед.

Взглянув на Бызова испуганно (правда, это была самая первая, молниеносная ее реакция) и, видимо, рассудив, что ее не грабят (куда тут убежишь с награбленным?), она кротко улыбнулась (а ведь и здесь водятся рыцари!) и назвала адрес. И пошла рядом с Бызовым, не сводя с него взгляда. Ее сын, оторвавшись от созерцания лунного ландшафта, также воззрился на Бызова как на первого в своей жизни инопланетянина.

Арсений Гончуков

Принц

Рассказ

*Все детали реальны, все персонажи вымышлены.
Почти все.*

— Another day in Paradise! — кричал мне Гилберто, и я смеялся.

Я спрашивал, как дела, а он мне в ответ — свою вечную присказку. И добавлял: «You know?» Ах-ха-ха! Ну как можно? Это смешно! Еще один день в Раю. Если ты понимаешь, о чем я... Господи Иисусе, Гилберто! Какой хулиган... Он у нас нелегал был, как и я когда-то, работал по поддельным документам, за кэш. Он во второй смене, я — в ночной. Его день заканчивался, и начинался мой — в Раю.

Понимаете, человек не должен ходить со слишком прямой спиной. Ну как... Никто ничего не должен. Но согласитесь, слишком прямая спина смотрится подозрительно. Будто человек сильно напряжен, будто держит его какая-то сила невидимая и не может отпустить... Вот с такой спиной ходил наш Принц. Он никогда не сутулился, даже когда нагибался, и всегда все делал с прямым корпусом, как будто палку проглотил и она мешает. Он как натянутая струна, как мачта, он как будто боится согнуться и сломаться пополам. Станный он. Вроде бы все привыкли, а меня до сих пор пугает.

Проработал я у них недолго, уборщиком. Не могу сказать, что это было несправедливо, когда меня уволили... А если скажу, что я Hispanic, то есть латинос, и что мне уже семьдесят два года, я достаточно серьезно болен и поэтому... Нет, нет. Не хочу навлечь на себя гнев мистера Принца. Зачем? За такое, даже за намек, можно схлопотать если не иск, то серьезные проблемы... Я никого не обвиняю, просто они переехали в другой офис, он и вся его орава: главы подразделений, проект-менеджеры, эти, как их, программисты, тестировщики, человек сто всего... Теперь, мне рассказывал Хесус, который у них остался, там работают в основном белые парни и девчонки, ну еще азиаты, индусы, здесь их много, и все молодые, до тридцати лет, а офис у них огромный, раза в три больше прежнего... А я что? Мне осталось только вспоминать.

Гончуков Арсений Михайлович — писатель, поэт, режиссер. Родился в Нижнем Новгороде в 1979 году. Окончил университет по специальности «Филология» и Школу кино при Высшей школе экономики. Автор сценариев, режиссер-постановщик и продюсер полнометражных художественных фильмов, а также первого в России веб-сериала «Район тьмы». Лауреат, обладатель наград российских и мировых кинофестивалей. Автор двух книг, в том числе поэтического сборника «Отчаянное рождество» (2003). Публиковался в журналах «Дружба народов», «Юность» и др. Живет в Москве.

Да нет, вы знаете — шеф хороший человек. Хотя, как по мне, пацан еще совсем, и спина прямая от ребячества, от желания выглядеть лучше, даже нет, как бы вам объяснить... Он пытается быть правильным, но не знает, как это. Ему кажется, что правильно именно так, что прямая спина единственно верное положение, как у автомобильного сиденья, а на самом деле выглядит это по-дурачки... Как будто человек пришел на вечеринку барбекю в смокинге и цилиндре. И что самое плохое, он не понимает, а сказать ему некому... Я не самоубийца. И потом, английский я знаю не очень, иначе здесь бы не работал. Но и зная язык: как скажешь, что лучше держать себя естественно? Этому не научишь.

Про нашего Принца ходит много слухов и баек, знаете. Что он такой-сякой, что помешан на секретности, соблюдении личных границ, хотя его компания как раз собирает данные и все такое. Ну, не знаю, может, что-то и правда, вот только никакой он не маньяк. Жил в то время он неподалеку от офиса, в простом, хотя и скрытом от посторонних глаз домике, несмотря на свои миллиарды. Там, конечно, охрана, как без нее, и она хорошо спрятана... А как иначе? Сколько ходит безумных, обиженных, а террористов... Этого дерьма навалом! Секретность, это правильно, когда за тобой днем и ночью следят папарацци, когда каждую частичку твоей жизни рассматривают под микроскопом и из каждой готовы раздуть сенсацию. Поневоле начнешь прятаться, хотя он особо не старался... Есть же кадры, я видел по телеку, кто-то снял, как шеф покупает такос и стоит с коллегой на улице, потом они садятся на землю и просто болтают. Не знаю, некоторым показалось, что это слишком как-то сделано на камеру, типа показуха, понимаете. Но я уверен, что нет. Он такой, простой парень. Уж не знаю, как сейчас, позволяет ли он себе подобные вылазки, но тогда захотелось ему пожрать свежий такос, он вышел и купил. Ну и отлично, пусть... пока может себе позволить быть, как говорится, обычным человеком, испытывать простые радости, так сказать.

Конечно, я многое знаю по слухам... Кто я? Обычный уборщик, прихожу в офис поздно вечером, хотя иногда и днем дежурю, когда подменяю Гилберто. Как в тот раз, когда произошла история с Ларри. Сразу скажу, что никогда, никогда мистер Принц не повышает голос, ни разу он не сказал ни одной грубости, ни разу в его словах не прозвучала злость... Рассказывают, что однажды стукнул кулаком по столу, но это чистое вранье. Может, он хлопнул в ладоши, чтобы на него обратили внимание увлеченные спором ребята, но чтобы стучать кулаком с угрозой — такого просто не может быть! Не скажу, что шеф общается спокойно и дружелюбно, нет-нет. Он говорит очень ровно, очень, как бы это сказать, нейтрально... Он просто говорит — и все. Я не могу вспомнить интонаций, ну разве что когда его допрашивали в Конгрессе, он говорил, как будто оправдывался, отвечал, что сожалеет, но обязуется, обещает исправиться... Мы все тогда смотрели ТВ. Он держался очень прямо, хотя был бледен, когда соглашался, что признает ошибки... Но даже это не звучало как-то так или эдак, понимаете? Когда-то я работал в университете Айовы и помогал в лаборатории старенькому профессору химии, очень умному и порядочному мистеру. Так вот, даже среди ученых не было такого, чтобы человек был настолько, как бы это сказать, не сухим, нет, а каким-то никаким, без эмоций... Вот как пить чистую дистиллированную воду. Пробовали?

При всем при этом как его боялись! Хех! Панически, до паралича, до остановки сердца! Не знаю, с кем сравнить, кого еще можно так бояться, русского президента с ядерной бомбой, наверное, да? Или злого духа в пустыне, или мертвяка, вставшего из могилы? Страх перед Принцем был какой-то умертвляющий все живое, так, наверное, действует невидимый ядовитый газ... Хотя, может, я преувеличиваю. Кто я? Старый больной работник клининга. У меня есть только мои глаза, и ничего более.

Анатолий Валевский

Эльза

Рассказ

С благодарностью за всё — Галантине

По паспорту она Лида, но для всех давно Эльза. Чувствуете, дух авантюризма уже просачивается через буквы. Это только начало.

Эльза сидит перед оперным театром, лихо дымя беломориной. Пряный табачный дым неспешно расплывается в окружающем пространстве. Черная таблетка с вуалью, прикрывающей глаза, гипюровое темно-синее платье и белое, в две нитки, жемчужное ожерелье делают ее яркой и неотразимой. Ее обожаемая фраза: «Будем брать эффектами!»

В глазах Эльзы зажигается огонек, когда к ней подсаживается мужчина значительно моложе и ненавязчиво, даже робко интересуется:

— Не желаете ли посетить оперу? Сегодня дают «Дон Карлоса».

Эльза аристократично, неспешно поворачивает голову, с полминуты оценивает ухажера, после чего делает одолжение, будто уронила платок:

— Ну, если вы так просите, молодой человек, могу ли отказать...

Молодому человеку, зовущему Эльзу на «Дон Карлоса», не меньше семидесяти, но выглядит как настоящий щеголь. После оперы он предлагает Эльзе ресторан. Она соглашается, и на этом знакомство заканчивается.

— О чем с ним разговаривать, если он посчитал, что мой любимый Ремарк — женщина, — выносит она свой безжалостный вердикт. — Разучились мужчины ухаживать за дамами, — с прискорбием добавляет Эльза.

Уникальная старуха.

— Эльза, так нельзя с ухажерами, — возмущаюсь я.

Эльза закатывает глаза.

— Мальчик, ты не видел истинных ухажеров.

Мне ничего не остается, как только улыбнуться.

— Мальчик, — это она мне, когда я уже стал отцом, — запомни: женщина не стареет! С годами она становится только интересней. — Эльза внимательно посмотрела на меня, взяв за руку. — Еще один мой тебе совет. Что бы ни происходило между тобой и твоей женщиной, просыпайтесь в одной постели.

Валевский Анатолий Михайлович — родился в Новом Роздоле (Украина) в 1969 году, окончил Томский государственный педагогический университет (1997). Работает в школе. Живет в поселке городского типа Андра (ХМАО-Югра). Это первая публикация автора.

— Женщина, о которой ты говоришь, моя жена, — с сарказмом напоминаю я.
— Это звание еще надо заслужить, как и звание мужа. То, что я наблюдаю, это отношения мужчины и женщины.

— Это плохо? — интересуюсь уязвлено.

— Это ваши отношения, вам и решать.

Эльза бывает невыносимой, на что живо парирует:

— У меня даже кровь с отрицательным резусом, чего тогда хотеть от характера!

Я развожу руками: убойный аргумент.

— Вся моя жизнь — бег по острию лезвия, — задумчиво добавляет Эльза.

— Не опасно?

— Разве это опасности? — Эльзу разбирает смех. — Опасности — это незаживающие порезы на теле, они слишком часто напоминают о себе.

Эльза умолкает. Ее лицо становится жестким и непробиваемым, как броня танка.

— Давай о приятностях...

И мы о них говорим.

— Пойду в кафе, посмотрю на мальчиков, — с воодушевлением произносит Эльза.

Я гляжу на нее со скрытой усмешкой.

Ей нравится сидеть и наблюдать за молодыми двадцатилетними официантами в кафешке, расположенной в уютном подвальчике недалеко от нашего дома.

Когда она входит, посетители встречают ее аплодисментами. Во все закоулки несетя шепотное: «Эльза пришла, Эльза пришла...»

Подходит хозяин заведения, почтительно кланяется и задает неизменный вопрос: «Мадам, как обычно?» — на что Эльза благосклонно кивает головой.

Как обычно — это кофе и рюмка коньяка.

— Мадам, как вы себя чувствуете?

Эльза качает головой — медленно, почти машинально.

— Относительно, — отвечает неопределенно.

— Сигарету, мадам? — предлагает хозяин кафе.

Эльза не отказывается.

— Вы же, конечно, расскажете о Париже?

Эльза делает томные глаза, мол, достали вы меня, сколько можно рассказывать одно и то же тысячу раз, но после первого глоточка коньяка лицо ее оживает, в глазах появляются искры, как от разгорающегося костра.

Эльза пересаживается в специально купленное для нее в антикварном магазине старинное кресло. Столики подтягиваются ближе к ней, рядом в ногах садится хозяин. Кафе закрывается на переучет.

Эльза привычно произносит: «Боже, как я люблю Париж...», и народ в маленькой подвальной кафешке замирает, слушает затаив дыхание голос странной старухи, вещающей о Париже, Лувре, Елисейских полях и, конечно, о бурлящих романах, потому что любовь у Эльзы всегда выскакивает неожиданно как черт из табакерки.

— Вот это жизнь, — в экстазе выкрикивает хозяин кафешки, иногда на его одутловатом лице поблескивает слеза.

— Мадам, вы же завтра нас обязательно посетите?!

Эльза устало смотрит в зал, в висок ей постукивают мягкие молоточки опьянения.

— Возможно.

Я как-то спросил Эльзу: «Зачем тебе это?»

— Мальчик, как ты не понимаешь? Любая женщина прежде всего жаждет мужского внимания. Знай, если через десять лет ты разведешься, в этом будет виновата

Ксения Борисова

Круговода

* * *

Мир привычный, вычерченный кругами,
Вдруг взорвётся зёрнышками в попкорне.
И деревья окажутся вверх ногами
Оттого, что руки деревьев — корни.

Узловатыми пальцами землю роют,
Обходя на ощупь комочки глины,
Всю кору земную своей корою
Разрывают древние исполины.

Человек растерян (трещит планета),
Беспорядочно в памяти что-то ищет:
«Я ведь где-то читал, читал про это —
Баобабы-бабочки-корневища?»

Чернозём копает, хохочет, плачет,
Говорит о круге, твердит в испуге:
«Я и сам внутри перевёрнут, значит?
Я хочу погладить деревьям руки!»

* * *

так червоточины сверлятся точно
мелются мысли ключём
думаешь думаешь сосредоточенно
всё ни о чём ни о чём

так настоящие кровотокающие
гулкие слоги саднят
кровогорчащие реже ли чаще ли
вынырнут с донышка дня

не залатаешь ни словом ни пластырем
вынырнут в ночь в белизне
звона созвездия воплем о Касторе:
где мой убитый близнец?

так умирают на торжищах таборных
скорбь раскорябает рот
больше не думаешь
собраны забраны
кто никогда не умрёт

* * *

На обочинах слов оставлять запылённые смыслы,
ни бежать, ни забыть, ни остаться под небом провислым,

ни ладони вперёд —
прорасти, прорасти, прорасти...
сквозь ослепшую вечность
в лакричное утро-печенье,
в порыжевшую грусть и непонятый смех просто так.

Я вчера принесу урожай несозревших значений,

ну и пусть, ну и пусть:
разбросаем, разложим везде,
отдадим словарям и свирельным январским потёмкам.
Вдруг окажется: завтра мы тоже молчали весь день,
и мурчащее мудрое слово свернётся котёнком.

* * *

Полемика поленьев каждый раз
О том, что неизбежное — горенье,
О том, что центробежно умозрение:
От костровища к краю симметрий.

Но судорожным клацаньем кольца —
Но замкнутыми линиями смеха:
Так не во мне ли просыпался еху —
Двуногое без речи, без лица?

Поистине ли, свифтовский контраст
Выращивает формы и значенья?
Напрасное ворчание-верченье
Обуглившихся веточек внутри.

* * *

круговорот воды в природе
круговода круговода
Так льдина думает тревожно: я отражение систем.
но инороден сумасброден
внекружен вневодоворотен
и невозвратен иногда

как человек

пересеченьем (не говорить, а колдовать)
макушек слов касаться бегло — едва-едва
Обжечься чайником, обжиться
в одном из космосов
и вспомнить,
лёд приложив к ожогу,
надпись
в учебнике начальной школы
«круговорот воды»

Дружба на вырост

Константин Волчков

«Февр...»

Рассказ

1

Иногда мир отказывается сходить с места. Он непреклонно упирается, пока время безуспешно норовит подтолкнуть его вперед. Любое сдвинутое мгновение тут же возвращается в изначальную точку. Мысли напряженно пульсируют, никак не разрешаясь в последовательный поток. Тело мерцает, не зная, какое движение совершить.

Стоя в коридоре, заполненном гамом и топотом, я увлеченно царапал на стене «Лох» под именем одноклассника. Ванька за моей спиной жаловался Лёшику на то, что воду отключили даже в туалете. Они смеялись, вспоминая, что окончательно перекрыть воду в школе решили из-за нашего друга Васьки.

Ванька пнул по раковине фонтанчика, над которым я и занимался наскальной живописью. А Лёшик еще раз покрутил ручку крана. Фонтанчик недовольно побурчал, сделал презрительный плевок и затих. Вместе с ним затихло и все вокруг, кроме моего шуршания по стене. Я обернулся, чтобы посмотреть, что случилось, и замер.

Три семиклассника — три зловещие фигуры, пугающие и гипнотизирующие, всего в трех шагах от нас. Самый мелкий из них ростом чуть выше меня — с поднесенной к затылку рукой. У него добрые голубые глаза. У него белоснежная улыбка. Светлые несерьезные кудри. У него обидные хлесткие издевательства и затрещины, получаемые мной каждую неделю перед всем классом. Мазки, выкрашивающие мое лицо красным, шлепки, выбивающие из глаз слезы. Двое других, кидающие друг другу горячие матерные слова, — куда выше. На высунутом желтом языке у одного из них блестящее бритвенное лезвие. На мне его мутные неживые глаза, и я с дрожащими губами и предательскими, нежелающими опускаться глазами весь в ожидании режущего: «Чё зыришь?!» У третьего в руках сигарета, и это прямо посреди школьного коридора! Мир чуть дернулся. Ладонь мелкого, обращенная в когтистую лапу, уже на самом его затылке. Желтый фильтр сжат в тисках потрескавшихся губ, а конец сигареты направлен вниз. Лезвие спрятано в кривой ухмылке на вылепленном из серого хлеба лице с оспинами от выдавленных прыщей. В его потухших глазах ни цвета, ни света, — бездушные они, затягивающие в черную воронку. И опять. Обнаженные желтые зубы, высунутый плоский язык. Сигарета, торчащая из пачки.

Волчков Константин Игоревич родился в 1990 году под Екатеринбургом. Учился в Уральском Федеральном университете на физика. Живет в Санкт-Петербурге, иногда работает. Это его первая «толстожурнальная» публикация.

Поднятая к затылку рука. По моим щекам будто бы уже прошлись обветренные руки-наждачки. Ухмылка, затылок и фильтр. Бритва, кудряшки и губы.

Мир вылез из трясины. Серолицый спрятал язык с бритвой и улыбнулся, посмотрев прямо на меня. От страха затошнило, а когда я увидел, как мелкий поднимает руку к затылку, дернулся и инстинктивно вскинул руки, прикрывая лицо. Третий из них достал сигарету из пачки и зажал ее губами.

Семиклассники прошли мимо, и все напряжение, охватившее меня, спало. Ноги обмякли от облегчения. Мы с Лёшиком и Ваню мечтаем когда-нибудь собраться и дать им сдачи, но пока только отдаем им сдачу со школьных обедов. Говорить продолжили так, будто эти три секунды ничего не происходило.

— Чего... — Ваню засипел и откашлялся. — Чего с руками-то делать?

Он покрутил у лица своими измазанными мелом ладонями.

— Меня только не трогай! — Лёшик отпрянул от Ваню. Тот медленно потянул к нему руки, делая вид, что хочет схватить его.

— Аааа! — Лёшик с криком побежал вдоль стенки, а Ваню бросился за ним.

— Чего носитесь? — к ним навстречу шла математичка. Я быстро доделал последние штрихи и отошел от фонтанчика.

По-утиному переваливаясь из стороны в сторону, учительница дошла до меня. Она крикнула и остановилась, переводя дыхание. При этом ее шея неестественно согнулась, будто бы ее свело.

— Чего стоишь, давай на урок. Две минуты осталось! — и, не дожидаясь ответа, побрякивая, пошла дальше.

— Ха! — Лёшик прибежал обратно и пальцем указал на мою надпись. — Надо Петюне показать. Пусть знает, что он лох.

Мы вбежали в класс под самый звонок и уселись по местам. На грязно-белой доске остался кусок позавчерашней даты. Математичка пыталась стереть, чтобы написать новую, но сухая тряпка только размазывала надпись. Отчаявшись, она оставила доску со старыми примерами и куцым «февр» сверху. Теперь жертвы, вместо того чтобы идти к доске, решали уравнения в тетрадах, комментируя действия вслух.

Не прошло и минуты, как в кабинет вошла класснуха. Она ходила в черном вязаном жилете, который хорошо подчеркивал ее фигуру. Жирную пингвинью фигуру.

— Тамара Михайловна, я отниму у вас пару минут? — спросила она у математички.

— Да чего уж, отнимайте, — та лениво развернулась на стуле в сторону пришедшей.

— Так, класс. Попрошу внимания, — вступила класснуха. — Я вынуждена в сотый раз повторить: «Не пейте воду из-под крана!» Вы все прекрасно знаете, что в городе ЧП. Эпидемия у нас сейчас. Вода должна быть обязательно прокипячена, прежде чем вы ее выпьете. Петров, Тамара Михайловна, представляете, что вычудил? Воду из туалета выпил. Ладно хоть из-под крана, а не из унитаза. Додумался. Здесь-то всё отключили, так он туда пошел. Теперь вот у нас такой караул, — она окинула взглядом доску. — И почему все такие безответственные? Всю школу подставил! Вы-то, надеюсь, усвоили, что можно пить только кипяченую воду?!

Мы всем классом выкрикнули: «Да!» и закивали головами.

— Продолжайте, — она пошла к двери. Секунда тишины, и начался урок. Зачином стало недовольство Тамары Михайловны грустным видом сидевшего перед ней Петюни.

— Что ты опять лицо такое скуксил, тебе всего одиннадцать лет, а будто уже войну прошел. Когда вы уставать-то успеваете? Жизнь же беззаботная: на уроки сходи — да весь день свободен. Еще ведь и не учитесь ни шиша.

В завершении она оперлась о стол рукой и приподнялась.

— Вот, чтобы взбодриться, расскажи-ка нам, сделал ли ты домашнее...

Время легло под каток.

* * *

После уроков мы собрались навестить Васяна и узнать, как он себя чувствует.

— Впервые в мире! — он торжественно провозгласил с наполненной до краев маленькой бутылкой пепси в руках. Мутная вода пугающе выплескивалась из горлышка. — Смертельный номер!

Мы вчетвером собрались в коридоре во время окна между уроками. Вася давно собирался выпить опасной воды. Еще когда только начали появляться слухи об отравлениях, он уже поделился с нами мыслью, что можно устроить внеплановые каникулы.

— Давай, Васян! — подбадривал Лёшик. — Пей!

— Пей! — поддержали я и Ваню.

— Пей! Пей! Пей! — мы скандировали втроем.

— Але-оп! — Вася закинул голову, поднес бутылку к губам.

Лёшик развернулся и забарабанил по подоконнику. Вася открыл рот, и его кадык быстро зашевелился. Полбутылки ушло секунд за пятнадцать.

— Та-дам! Очень даже вкусно.

В возбуждении мы забегали вокруг, чествуя нашего героя. Вася же с довольным лицом спокойно стоял. Ваню выхватил у него бутылку и принялся плескать из нее в потолок.

— Учитель! — я крикнул, когда увидел идущую к нам фигуру, и мы сразу же присмирели. А на следующий день Вася не пришел на уроки.

* * *

Выбежав из дверей с рюкзаками и пакетами со сменкой, мы сразу же кинулись к снежной куче, чтобы зачерпнуть снега и бросить в кого-нибудь. А лучше, если хватит духу, в окна школы.

Следом вышли наши девчонки, и мы вдарили по ним залп из всех батарей, услышали возмущенные возгласы, ответили: «Дуры!», запулили еще по снежку и побежали дальше ко дворам, где жил Васька. Когда мы пробежали мимо супермаркета, я остановился.

— Пацаны, может, купим ему сникерс?

— Зачем? — спросил жадный Ваню. От него даже скинуться летом попить не дожدهшься, а тут сникерс купить кому-то.

— Поддержать! Болеет же. А мы навещаем больного. В больницу всегда передачи носят.

— Давай, друг же, — Лёшик согласился и достал мелочь из кармана. — У меня два пятьдесят.

— У меня пятерик есть, — сообщил я и обратился к Ваню. — Добавишь еще два рубля?

Ваню стоял и думал. Скупость и нежелание быть жидой устроили бой прямо на его лице, и мы терпеливо следили за бегающими глазами и закушенными губами.

— Лаадно, — Ваню нехотя вытащил деньги и передал мне. Я бросился к дверям магазина.

— Эй, мелкий! — я замер на вдохе. От мысли, что я должен развернуться, ноги

Елена Вяякуопус

Мрак твой будет как полдень

Если когда-то у вас в доме обитали сиделки, вы знаете, что значит жить постоянно с чужим человеком. С кем-то, кто вам не друг и не родственник. Раньше я думала: как хорошо было бы иметь слуг. Сейчас я знаю, что это лишает дома, покоя и личной жизни. Мы так прожили три года. Каждую минуту рядом посторонние. Ты постоянно их видишь и слышишь. Все время вынужден разговаривать с ними. Сиделки быстро забывают, что они — на работе. Начинают чувствовать себя как дома. Мама для них — не хозяйка, а предмет ухода. Они пользуются маминной косметикой и надевают ваши тапочки. Приносят постирать из дома свое белье — «у вас машина кипитит»... Варят обеды для мужей и уносят их в кастрюльках. Иногда они уносят и пакеты с молоком, и мамыны фрукты. Нет, вам не жалко, просто тяжело таскать новые каждый день.

Ночью сиделки громко храпят на весь дом и не встают, когда мама звонит в звонок. Они флиртуют с моим мужем, дают непрошенные советы, задают интимные вопросы, переключают на свои любимые каналы телевизор, таскают маму по ненужным ей магазинам и каждый месяц просят повышения зарплаты... Одна за три дня выпила весь алкоголь в доме, от мартини до мастики. Когда мы жили в Македонии, нам рекомендовали приятную на вид женщину, гречанку. Она была когда-то замужем за строителем из Ташкента и поэтому говорила по-русски. Явилась огромного роста дама, чмокнула маму в щеку покрашенными губами (я не успела помешать) и сказала, что будет петь ей русские песни. Ее свекровь всегда пела внукам эту детскую песенку. И запела голосом зычным, как пионерский горн:

Камень на камень,
Кирпич на кирпич.
Умер наш Ленин
Владимир Ильич.
Ленин, Ленин дорогой,
Ты лежишь в земле сырой,
Я, малютка, подрасту —
В твою армию пойду.

Вяякуопус Елена Михайловна — финский нейропсихолог, руководитель и эксперт более двадцати международных проектов в области социальной интеграции и реабилитации детей и взрослых с особыми потребностями. Автор нескольких книг и реабилитационных программ, многих статей и развивающих игр. Три книги изданы на русском языке: «Зеркало», «Искры, летящие вверх» и «Как сохранить радость жизни».

Предыдущая публикация в «ДН»: «В Ташкенте шёл тёплый дождь» (2015, № 6).

Помню, что мама очень развеселилась. Но я все же не взяла громкоголосую гречанку. Потому что у нее были ногти. Длинные ногти — самое негигиеничное, что есть в женщине. Отчистить их как следует невозможно. Под каждым длинным ногтем живет целый зоопарк. Как ни странно, сиделки, соцработники и медсестры часто имеют длинные ногти. Еще сиделки часто пахнут духами и дезодорантами. В квартире стоит тяжелый запах ландышей, и мы все чихаем. Бедные и простые сиделки пахнут только потом. Если выбирать между запахом пота и удушающим парфюмом, мы выбираем первое.

Некоторые сиделки приводили родственников переночевать или ложились на диван и просили маму за ними ухаживать.

А мама их всех любила. Привязывалась к ним и жалела их...

Самое тяжелое было научить сиделок обращаться к маме по имени-отчеству. Они упорно хотели называть ее бабушкой, бабулечкой и бабусенькой. «Бабушка» — это статус женщины, утратившей все остальные статусы, а потому нуждающейся только в снисхождении. Слово ласковое и пренебрежительное. Куда ни придешь, в поликлинику, в отдел соцзащиты:

— Сколько лет вашей бабусе?

Однажды к нам пришла дама-невролог, сама пенсионного возраста. Она осмотрела маму и сделала заключение:

— Ваша бабушка в хорошем состоянии.

Я сказала:

— Мама, эта бабушка говорит, у тебя все хорошо. Спасибо вам, бабуся-доктор.

Докторша была настолько потрясена, что даже не смогла ответить. Она страшно обиделась. Когда спрашиваешь у персонала:

— Почему вас старики называют по имени-отчеству, а вы их бабулечками и дедулечками?

Ответ обычно такой:

— Так я ж ласково! Им нравится! Да они и сами так себя называют!

Да, называют. А что им еще остается? Это как в местах отбывания наказаний. Заключение представляются: я — номер такой-то.

Один мой друг в восемьдесят лет женился на даме пятидесяти с хвостиком. По большой и светлой любви, я не шучу. Он только в этом возрасте овдовел, а она его ждала много лет. Оба выглядят прекрасно. Стройные, спортивные, одеваются модно. Приходят они в театральную поликлинику на Невском, посоветоваться насчет мелких нарушений своего здоровья. Оба там состоят на учете, она художница, он драматург. Счастливые молодожены. А медсестра говорит новобрачной:

— Дедуля-то ваш, какой еще живчик! Не сказала бы, что ему столько лет! Другие до такого возраста и не доживают...

Если вам кажется, что я преувеличиваю и слово «бабушка» в отношении незнакомой дамы есть выражение нежности, попробуйте нежно назвать соцработника бабусей. Или пожилую жену вашего начальника.

По работе мне пришлось много общаться со стариками в разных странах. Финскими, русскими, сербскими, узбекскими. Если стариков расспрашивать, они с

Людмила Сеницына

Победы и поражения Генриха Фогелера

От поэтической утопии к зримому духу

Как-то в один из приездов в Москву моей немецкой подруги Иоганны мы с ней, гуляя по Арбату, увидели вывеску у входа в Пушкинский музей: «От поэтической утопии к зримому духу: Генрих Фогелер, Рудольф Штейнер и Йозеф Бойз». Могли ли мы пройти мимо!

Правда, к Штейнеру я отношусь довольно равнодушно, но в любом случае было бы любопытно узнать о нем что-то новое. О Бойзе никогда прежде не слышала. Но вот Фогелер... В первую очередь меня интересовал именно он. Еще бы — одна из ключевых фигур в искусстве Германии конца девятнадцатого и начала двадцатого столетий. Живописец и график, архитектор, дизайнер, писатель и философ. Один из духовных лидеров общины художников, обосновавшихся в деревне Ворпсведе в окрестностях Бремена. К тому же один из столпов югендстиля, а модерн мне всегда очень нравился.

Ни Иоганна, ни я не ожидали, что выставка произведет на нас столь ошеломительное впечатление. Черные доски со знаменитыми схематическими зарисовками Штейнера действительно оказались любопытными. Йозеф Бойз — последователь Фогелера, теоретик постомодернизма и основоположник «флюксуса», разновидности перформанса. Но главное — сам Генрих Фогелер! Тонкая живопись и трагическая судьба, о которой мы прежде имели самое смутное представление...

— Мы должны обязательно поехать в Ворпсведе! — объявила моя подруга категорическим тоном. Она вообще очень категорическая дама.

Я была с ней категорически согласна. Манили пейзажи с холстов Фогелера и хотелось побывать в местах, где сто лет назад художники много и вдохновенно работали, а по вечерам собирались в доме под названием Баркенхоф, в Белом зале: музицировали, танцевали, читали стихи, разыгрывали сценки, дурачились. Когда-то в молодости я мечтала о жизни в такой коммуне.

— Непременно поедem.

Сеницына Людмила Алексеевна — прозаик, очеркист, фотограф. Постоянный автор «Дружбы народов». Последние публикации в «ДН»: «Привлечь к себе любовь пространства» (2017, №4); «О дивный Арзамас!» (2020, №3).

Русский солдат — это человек, который приносит продукты

Прошло некоторое время, и мы в маленьком автомобильчике моей подруги уже ехали из Берлина в Ворпсведе. Скучные перелески, долго тянувшиеся по обе стороны дороги, сменили просторные лоскутные одеяла полей, поросших нежной зеленой люцерны или ядовито-желтой сурепкой, перемежающиеся темно-коричневыми прямоугольниками распаханной земли. Затем на горизонте показались шеренги ветрогенераторов. Опоры ветряков вздымались высоко вверх как стволы бетонных секвой, вяло размахивая лопастями. Они словно выполняли однообразную утреннюю гимнастику. Мне представился Генрих Фогелер на коне с копьём наперевес, атакующий современные «ветряные мельницы».

— Он ведь тоже был из породы рыцарей Печального образа, — сказала я вслух.

— Не путай немца-идеалиста с сумасшедшим испанцем, — отозвалась Иоганна, глядя прямо перед собой.

Она давно водит машину, но и по сей день чувствует себя не очень уверенно за рулем, поэтому не любит разговаривать в дороге, чтобы не отвлекаться. Обычно мы обмениваемся короткими репликами. Ехать нам еще далеко, поэтому стоит рассказать о моей подруге.

Иоганна — незаурядная женщина. Она актриса, автор двух книг, режиссер, неплохо говорит по-русски. Ей было пять лет, когда она впервые встретилась с русскими. Ее мать Марта Леш после войны начала фотографировать советских солдат, чтобы прокормить троих детей — маленькую Ханни и двух ее братьев... Еще в молодости, задолго до замужества, она купила фотоаппарат, который пригодился в трудное послевоенное время. Семья жила впроголодь, и солдаты из гарнизона, стоявшего в городке Штансдорф, где жила Марта с детьми, платили за фотографии продуктами. Кроме того, старались побаловать маленькую девочку. А потому русский солдат для Иоганны — это человек, который приносит продукты. И непременно что-то вкусное — колотые кусочки сахара, в редких случаях даже сгущенку, о которой можно было только мечтать, не говоря уж о консервах. Марта ухитрялась надолго растягивать одну банку с тушенкой, добавляя по ложке для вкуса в брюквенный суп.

Иоганне особенно запомнился молодой парень Михаил.

— Фамилию его я, конечно, не запомнила. Мать сфотографировала меня с ним. Он потом довольно часто заходил уже просто в гости. Наверное, соскучился по своей маме, сестрам и братьям, ему хотелось просто побыть в семье, — объясняла Иоганна, откладывая снимок маленькой девочки, сидящей на коленях у солдата.

В тот вечер мне пришла в голову мысль найти этого человека — отправить снимок на российское телевидение, чтобы его показали в передаче «Жди меня». Может, кто-нибудь узнает Михаила... Но уж слишком мало осталось зацепок: Иоганна не знала ни его фамилии, ни города, откуда он родом. Да удастся ли распознать в молодом парне старика, которому уже перевалило за девяносто?! Ответа с телевидения мы так и не получили.

Рассматривая фотографии Иоганны, снятые в детском возрасте, я задумалась: почему у нее на всю жизнь сохранился интерес к России? Из-за воспоминаний, связанных с русскими солдатами? Из-за зова крови? Как она говорила, судя по фамилии Леш, ее предки, вернее всего, выходцы из одного из ассимилированных славянских племен. Или дело в обостренном чувстве глубинной связи русской и немецкой культур, ощущать которую дано не всякому?

В школе Иоганна принялась усердно учить русский. Классе в шестом начала вести переписку с девочкой-буряткой из Улан-Удэ — наугад выбрала на карте один из самых удаленных городов в СССР. Многие мои одноклассники и я сама тоже переписывались со школьниками из Чехии, Польши, Болгарии... Правда, переписка частенько обрывалась после обмена первыми письмами. А вот Иоганна писала исправно. И девочка-бурятка сохранила ее адрес, и после перестройки ее родные приехали в гости в Штансдорф.

Но прошли трудные послевоенные времена, дети подросли, и Марта устроилась бухгалтером на киностудию «Дефа».

— Она знала много языков: венгерский, французский, — вспоминает Иоганна, — была очень аккуратным работником, первой освоила счетную машинку, которую поставили в бухгалтерии. Она выдавала гонорар актерам. И когда на студию должна была явиться очередная знаменитость — Жерар Филипп, Ив Монтан или Симона Синьоре, — брала меня с собой.

Неудивительно, что четырнадцатилетняя Ханни возмечтала стать актрисой.

— Многие хорошо помнили фрау Леш. За что-то ее очень ценили, — слегка удивлялась Иоганна.

Отношение коллег к матери было для нее неожиданным. Мы не всегда способны справедливо оценить родителей... Но как бы то ни было, место работы Марты предопределило судьбу Ханни.

Мне довелось несколько раз увидеть выступление Иоганны в Потсдаме на сцене очень модного и очень популярного в восьмидесятые годы политического кабаре. В небольших скетчах участники кабаре высмеивали благоглупости чиновников, ограниченность полицейских, бюрократизм системы. Слишком смелые ее выступления вызывали нарекания властей. Сценки, в которых была занята Иоганна, всегда отличались яркостью исполнения. Иоганну в лицо знала каждая собака не только в Потсдаме, случалось, ее узнавали и в других городах.

Помню, как Иоганна изображала предприимчивую торговку на рынке. Показывая на ящик, где в каждом небольшом отсеке лежали какие-то товары на продажу, она перечислив, что предлагается вниманию покупателей, сдергивала салфетку с еще одного отсека и говорила с важностью: «А это мой дьюти-фри!»

Мы познакомились в доме общих друзей, когда Иоганна приехала в Советский Союз. И наша дружба длится уже почти пятьдесят лет. Ее манера высказываться — безапелляционно и категорично — порой рождала меж нами... не скажу, споры, скорее недоразумения. Она считала, что надо всегда говорить правду в глаза, ничего не скрывая. Мою уклончивость в некоторых ситуациях, нежелание обидеть человека, — она считала притворством и обманом. Но за столько лет дружбы мы притерлись друг к другу и довольно быстро улаживаем разногласия.

Время от времени мы отправлялись в поездки по местам, которые были ей интересны. Так мы побывали в Одессе, в музее Паустовского. После того, как Марлен Дитрих в своем переливающимся платье, роняя жемчужины, встала на сцене перед нашим писателем на колени, он стал пользоваться особой популярностью у немцев. Добрались мы и до дома-музея Чехова в Ялте. Интерес Иоганны можно понять — Чехов самый популярный русский драматург на Западе, ну и кроме того, Иоганна как раз в те годы играла сразу две роли в «Дяде Ване» — няни и матери. Мы исполнили ее давнюю мечту — съездили не только на Байкал, но и добрались до Улан-Удэ. Она даже пережила семибалльный шторм на Белом море, когда отправилась со мной на литфестиваль «Петроглиф»...

А она не раз возила меня по заповедным уголкам Германии.

Евгений Абдуллаев

«Приют пиров, ничем невозмутимых...»

О новых поэтических сериях и сборниках 2020 года

Совершенно неожиданный всплеск поэтического книгоиздания.

Казалось бы, карантин, книжные обезлюдели, типографии работают с перебоями, продажи упали. Катит по улицам черная телега. Оффлайновая поэтическая активность упала до нуля — ни презентаций, ни литературных сходов.

При этом — одна за другой появляются новые поэтические серии, не отстают и прежние.

Парадоксом это кажется только на первый взгляд. Поэтическое книгоиздание уже давно почти не связано с получением прибыли, книготорговой сетью и состоянием книжного рынка. Это такое маленькое княжество, вроде Лихтенштейна, которое существует по своим собственным законам. И в ситуации, аналогичной прошлогодней (а это черное кино еще продолжается), это даже оказывается плюсом. Кому почти нечего было терять — те и не потеряли. И даже наоборот.

Поэтому немного отступлю от формата ежегодных «дружбинских» обзоров. Этот будет больше не о книгах, а о поэтических книжных сериях: и старых, и — особенно — новых.

Разговор, естественно, получится более спутанным и пестрым. Чтобы не превращать его окончательно в литературную кадрили с мельканием авторов-названий-издательств, упоминать и цитировать буду не всё. Могут возникнуть какие-то разночтения и по количеству изданных в той или иной серии книг. Ориентировался, в основном, по сайтам, а они не у всех издателей есть, и не всеми, увы, исправно обновляются.

Так что возможны небольшие погрешности. Но общую картину, надеюсь, воссоздать получилось.

«Воймега» и новая серия «Пироскаф»

Начнем с известных поэтических издательств и серий.

В «Воймеге» вышло восемь книг — в том числе Алексея Алёхина¹, Владимира Козлова, Артёма Морса, Наты Сучковой... Плюс шесть книг новой «молодежной» серии «Пироскаф», о которой будет сказано чуть дальше.

«Воймега», возникшая в 2004 году, как своего рода издательский проект поэтического объединения «Алконость» (и постепенно его рамки переросшая), продолжает установку на постакмеистическую линию. На «золотую середину» между традиционной силлаботоникой и поставангардными экспериментами.

---

¹ На нее уже откликнулся рецензией в «Дружбе народов» (2020, № 12).

Александр Чанцев

Манифестация сложности

Интересных нон-фикшн книг в последнее время выходит, к счастью, много. В этой подборке — три из опубликованных под конец 2020 года. Объединяет их если не актуальность тем — ее все же каждый понимает по-своему, то глубина исследования, фундированность оригинальных мнений и авторское неравнодушие.

Музаритмический сундук

Роман НАСОНОВ. Музыка: диалог с Богом: От архаики до электроники. — М.: Никая, 2020. 424 стр.

Роман Насонов — музыковед, доцент Московской консерватории, автор различных курсов и передач о классической музыке и научный редактор и переводчик действительно выдающейся книги о Бахе «Музыка в Небесном Граде: Портрет Иоганна Себастьяна Баха» (русский перевод — 2019 год) — пишет свою историю музыки. «Высокое музыкальное искусство понимается мной как необходимое человечеству средство богообщения, как один из величайших духовных даров, которыми мы обладаем». То есть это, конечно, не история духовной музыки (а было бы, кстати, очень интересно и востребовано за неимением подобных изданий в последнее время!), но музыки, обращенной к Богу, ищущей, утверждающей и манифестирующей высшее.

Отметив, что историй музыки сейчас столь много, что они, к счастью, начали фрагментироваться по более локальным темам (от истории новой классики¹ до истории определенных лейблов² и даже инструментов отдельно взятых стран³), можно признать — пусть будет еще больше⁴. Ведь музыка прошлых эпох стала сложна для восприятия по прошествии лет, нынешняя — новая классика, свободная импровизация, электронная музыка — изначально создается сложной. А каждый подход дефолтно субъективен.

Субъективен, конечно, он и у Романа Насонова. Взять хотя бы рассматриваемых русских композиторов — Римский-Корсаков и Шостакович. Формально — оба совсем,

---

¹ От «Дальше — шум» А.Росса до книг — бесед с новыми композиторами Д.Бавильского и А.Мунипова.

² «Выбирая другую дорогу. История лейбла 4AD». — М.: Астона, 2020.

³ «Электрогитара в СССР: Полная иллюстрированная энциклопедия» Я.Соколова и В.Селиванова (2019).

⁴ Похожая отчасти по структуре на рассматриваемую книга — «Эпоха распада. Грандиозная история музыки XX века» А.Рондарёва (2020) рассматривает XX век, но в том же спектре, от классики до электроники.

декларируемо, не были верующими людьми. Они выражали душу народа, трагические перипетии времени? Выражали. Но чем хуже Чайковского или Губайдулиной и (композитора эстонского, но и жесткой привязки к рассматриваемым странам у автора нет) Пярта? Или на Западе в прошлом веке величайшими (и самыми религиозными по глубинной своей сути) объявляются Мессиан, Циммерман, Штокхаузен и — тут понятно, религиозное содержание и личное обращение в православие — «Иисус Христос — суперзвезда» Эндрю Ллойда Уэббера и Тавенер. Но все же, почему Мессиан, а не Шёнберг? Почему Циммерман, а не Хиндемит? Почему, скажем, не Кейдж — если Мессиан заигрывал с идеей некоей общей религии (очень в духе New Age и прочей эклектики), то Кейдж хотя бы обращался к более серьезному основанию в виде восточных практик и дзэна.

Тут, кстати, вопрос уже серьезнее к автору — да и очень ко многим, пишущим о мировой музыке, сводя ее к Западу: «Вне западной цивилизации такой музыки (как диалога с Богом. — А.Ч.) никогда бы не возникло. Существование вполне самостоятельного искусства в масштабах истории явление скорее аномальное. Пение и игра на инструментах часто выполняют медицинскую функцию, служат механизмом психосоматической регуляции, помогают людям действовать слаженно (маршируя в военном строю, танцуя или трудясь), обеспечивают релаксацию (перед сном, во время застолья или шопинга), подают сигналы (от набата и фанфар до телевизионных заставок), участвуют в создании привлекательного образа торговой фирмы или товара». Позвольте! А вся музыкальная культура Востока да и Юга тут полностью игнорируется? Индийские раги, которые использовались не только для медитации, но и управления, упорядочивания вселенной тогда, когда на Западе никто еще в принципе не задумывался о сочинении внятно оформленной музыки? Китайская музыка, имевшая не только ритуальные, но и космологические задачи? Музыка была частью подавляющего большинства культов, от Тибета до Амазонки, как раз тем медиумом, что выводила человека на контакт с миром загробного и сакрального. И, если уж на то пошло, то и в не очень симпатичной автору современной рок-музыке — да и в тех же рассматриваемых рок-операх — если вычесть африканский элемент, отвечавший за создание блюза, музыки африканских рабов, стоявшего у истоков всей современной рок- и поп-музыки, остаток может и не порадовать...

Тут единственный ответ — потому что автору не только нужнее для его нынешнего разговора, но и просто ближе, любимее именно эти композиторы. И это, на самом деле, все оправдывает. Спорить — бесполезно, да и не нужно, а вот читать о тех, кого он любит, знает досконально, опишет всю их жизнь и все сюжеты, темы и пейзажи их сочинений — гораздо интереснее.

Говоря о действительно любимых, Насонов буквально визуализирует музыку (помните, как в начальных классах учительница выбивала из бедных детей, что им слышится в музыке? Так вот тут так же — только на очень другом уровне): «В этом — настоящая трагедия жертвенности: человек жертвует собой в мире, где ничто не вечно. Но и это еще не самое страшное в Траурном марше. В заключение Бетховен музыкально изображает, как люди уходят с похорон — слышно даже, как они раскланиваются друг с другом. А затем в последний раз возвращается основная тема, но возвращается в крайне неестественном виде — разбитая на ритмически искаженные и прерываемые паузами фрагменты. Как тело героя разлагается, так распадается и мелодия. В этот раз музыка дает нам физически ощутить ничто...»

Даже на страницах книги дает, если не включить. А можно и включить — в конце даны списки основных сочинений, рекомендованных к прослушиванию. Тут можно бы тоже фыркнуть — у Шостаковича следует прослушать «все симфонии», ну надо же, как неожиданно и даже внезапно. Но подобные списки замечательны всегда. Они не только «сдают с полочным» опять же (ценные) пристрастия автора, но и в разделах «Готическая полифония» и «Музыка ренессанса» могут вполне быть подспорьем (но почему из барочной музыки только Монтеверди и Ланди? Молчим, молчим...).

Валерия Пустовая

ВНЯТНЫЙ, как мануал

Алексей ПОЛЯРИНОВ. Центр тяжести: Роман. — М.: Эксмо, 2018;

Алексей ПОЛЯРИНОВ. Риф: Роман. — М.: Эксмо : Inspiria, 2020.

На обе художественные книги Алексея Поляринова уже по несколько десятков отзывов от читателей Лайвлиба, но особенно точной мне показалась война комментариев, развязавшаяся однажды в Фейсбуке под постом критика и эксперта в области фантастической литературы Василия Владимирского¹. Он написал о новом романе «Риф», что тот у Поляринова «сильнее» раннего романа «Центр тяжести». Но кое-что, сказал, вызвало его недоверие как читателя: есть, мол, в «Рифе», романе о сектах, «демонизация сектантов», а значит, есть и «немножко фантастики».

И вот закружились две полемики. О том, какой роман лучше, — суть спора доходчивей всего выразил писатель Дмитрий Захаров: «"Центр" более живой, но "Риф" гораздо более профессионально сделан». И о том, есть ли следы фантастики в «Рифе»: Владимирский признался, что просто «иронизировал», но критик Галина Юзефович подхватила шутку и погрозила в таком случае выдвинуть роман на премию в области фантастики.

И эти полемики точно отражают два противоречия художественного мира Поляринова. Первое: между усердно прокачиваемым мастерством — и даровой интуицией. Второе: между волей к исследованию реальности — и талантом убедительно завираться.

Ничего обидного: вот и Бунин, говорят, учил, что писателю «надо уметь привирать»².

Интересно, что противоречия два, а вопрос один. Важнейший творческий, и ответ на него лаборатория Поляринова вырабатывает у нас на глазах. Что первично, что во главе: рациональное овладение темой и инструментами — или искра, озарение? Распоряжается ли автор своим талантом — или следует ему?

Легко отмахнуться: мол, важно и то, и другое, но в том и дело, что всё сразу — не получается. В новом романе «Риф» Поляринов ошутимо делает выбор. А его публичные высказывания позволяют думать, что выбор этот не только личный: он выбирает в каком-то смысле за российскую литературу, от лица ее нового поколения и направления.

---

¹ Пост Василия Владимирского от 1.11.2020 // <https://www.facebook.com/vvladimirsky/posts/10214117166523453>

² Александр Бахрах. Бунин в халате. По памяти, по записям. — Нью-Йорк: Товарищество Зарубежных Писателей, 1979 // https://vtoraya-literatura.com/pdf/bakhrakh_bunin_v_khalate_1979_ocr.pdf

«Вот это тоже наша проблема. Мы все время ждем от всех *opus magnum*. Средних книг нам не надо! Сразу дайте мне “Войну и мир”!» — горячится Поляринов, столкнувшись с прохладным отношением слушательницы к убежденно рекомендуемой им документальной книге о Беслане. И добавляет, уточняя свою мысль: «Мне кажется, что таких книг, как “Форпост” Ольги Алленовой, должно быть десять-двадцать, в норме, чтобы было из чего выбирать. Мы получили одну деталь паззла. Таких деталей должно быть больше»¹.

И еще прозрачней: «...где у американцев по десять романов на каждую тему, у нас есть одна Ольга Алленова. <...> Может, это когда-то изменится — я достаточно оптимистично настроен насчет межпоколенческого разлома, я рассчитываю на людей, выросших без идеологии, мы в кармашек прям попали»².

«Риф» Алексея Поляринова — ни много ни мало попытка перевернуть до сих пор незыблемую у нас иерархию, которая наделяет писательское слово самоценностью и освобождает литературу от практических задач, задач жизни. Литература в русской традиции не только ничего не должна — но еще и сама всех обязывает, подтягивая реальность к тексту, заражая — завораживая — жизнь вымышленными сущностями, которые управляют нами эффективнее иных рептилоидов.

Да кто в это сегодня поверит, спросите? Отвечу словами из нового романа Поляринова: «Они делают это бессознательно. Устоявшийся ритуал настолько силен, что даже те, кто считает его глупым суеверием, подсознательно все равно стараются его соблюдать».

«Риф» Поляринова и есть — вызов российским ритуалам литературы.

Неожиданно масштабная сверхзадача для романа, который Галина Юзефович называет «по-хорошему комфортным»³, а я бы назвала «действительно полезным».

И там, где она видит «единорога»: «Композиционно продуманный, многослойный и при этом увлекательный роман для современной русской литературы — практически единорог», — я вижу кентавра. Роман, где литературе, которой лишь бы приврать да наворожить, приделали холодную голову.

Роман с человеческим лицом, «Риф» в самом деле возвращает читателя в зону комфорта. Не нужно читать роман, чтобы узнать: он поднимает вопросы о сектантском сознании, отношениях матерей и дочерей и последствиях забвения, — это все как один скажут вам и рецензенты, и автор. Но стоит прочитать роман, чтобы убедиться: на каждый вопрос он дает ясный и практичный ответ, — и почувствовать от этого гарантированное удовлетворение.

Роман отвечает однозначно — так что можно подвести итог одним словом. Что делать, если вы столкнулись с сектой? Бежать. Как матери и дочери понять друг друга? Разговаривать. Какие последствия забвения для личности и общества? Саморазрушение.

И такая это редкая забота о читателе, что даже писательница Евгения Некрасова, которая сама-то в прозе не подстилает соломки, реагирует эмоционально, попросту. «Это чуть ли не один из первых текстов, где нет ни огурца с водкой, ни нытья, а есть абсолютно осознанное рассуждение, например, о том, как человек бесконечно волнуется о своем сыне. <...> Я вообще впервые в жизни прочла о том, как человек работает над собой и в какой-то момент перестает постоянно быть в тревоге»⁴, — выделяет она в более раннем «Центре тяжести» то, что в «Рифе» станет принципом.

¹ Преодоление защитной реакции: Евгения Некрасова и Алексей Поляринов о том, как писать о современности. Часть 1. / «Прочтение» от 9.04.2020 // <https://prochtenie.org/texts/30162>

² Преодоление защитной реакции: Евгения Некрасова и Алексей Поляринов о том, как писать о современности. Часть 2. / «Прочтение» от 10.04.2020 // <https://prochtenie.org/texts/30163>

³ Галина Юзефович. «Риф» Алексея Поляринова — роман, в котором переплетаются три линии: о северном городе, секте и исследователе Микронезии / Meduza от 26.09.2020 // <https://meduza.io/feature/2020/09/26/rif-alekseya-polyarinova-roman-v-kotorom-perepletayutsya-tri-linii-o-severnom-gorode-sekte-i-issledovatele-mikronezii>

⁴ Преодоление защитной реакции... Часть 2.

Терапевтический заряд романа сказывается прежде всего в его нацеленности на результат. Позволив главному злодею ускользнуть в лазейку полуоткрытого финала, Поляринов аккуратно закрывает истории тех, за кого мы болеем. Рассерженная студентка, растерянная режиссерка, раздавленная прошлым учительница — каждая из жертв харизматичного лидера пройдет путь к себе, включающий круг отрицания и торга, нырок в бессознательное и терапию как таковую.

В критике сетуют, что характеры стерты: «три его героини — это расщепление одного и того же персонажа», — пишет, к примеру, Арсений Гаврицков¹. Да потому что различия между героинями — не личностные, а практические. Они демонстрируют три типа контакта с сектой, три рабочие дистанции: пришла сама, когда отчаялась; втянулась, не заметив вербовки под личиной сотрудничества; влипла, решив побороть.

Роман действительно полезный — демонстрационный. Внятный, как мануал, но куда увлекательней брошюры. Он моделирует путь в секту — настолько четко, поэтапно, что получается роман-прививка, который хочется рекомендовать всем читателям, начиная с подросткового возраста. Особенно интересно проходить путь героинь в обратную сторону, выискивая момент, когда невинная увлеченность (студентка), невинная доверчивость (учительница) или невинная самонадеянность (режиссерка) стали прикрытием для сектантской преданности.

Именно сматывая клубок, можно заметить немало тонких деталей и по ним выйти вовсе не к пасти Минотавра, как ожидаешь, а к вот такой, вполне рядовой мелочи: «Как и всех местных, Киру раздражало, что приезжие не отличают тайгу от лесотундры; она хотела было поправить Титова, но промолчала». С одного такого «но» может начаться путь в секту или история токсичных отношений — однако роман отступает от этой догадки, как от опасной крайности.

И тут тоже — залог читательского комфорта. Роман избегает того, что сделало бы художественное исследование сект двойственным и рискованным: не разбирается с алгоритмами личного выбора. Однажды автор как будто бы «заставил» одну из героинь «всерьез задуматься не только о том, кем на самом деле был» злодей Гарин, «но и — кем были люди, которые его окружали». Заставил задуматься — но предпочел не усложнять. Как пронизательно заметил писатель Сергей Кузнецов — в комментарии к упоминавшемуся посту Владимирского: «Обсуждаемый тезис — “жертвой секты может стать любой” — это просто форма запрета на victim blaming». И на движении романа вглубь стоит ограничитель вроде девиза «Не навреди!».

Хотя мне-то кажется, что не повредило бы подумать о том, почему робкая студентка боится сказать «нет» обаятельному профессору Гарину, волокущему ее, против планов, на невыносимый концерт перкуSSIONистов, — однако довольно грубо пресекает попытки опального, неряшливого от тревоги студента указывать ей, с кем общаться: «Что ж, спасибо большое, Адам. Позволь дать тебе встречный совет. Одно слово: душ».

Героинь хочется поймать на противоречиях, вранье себе, компромиссах с внутренним чутьем — но роман не поддерживает такое расследование. Загадка, которую он загадывает, — Гарин, харизматичный лидер, и роман движется к разоблачению, как детектив, в котором рядовые слабости обывателей ни в какое сравнение не идут с гением злодейства.

И вот сюрприз: даже если взять то, как «устроен» образ ускользающего от возмездия Гарина, в романе торжествует наиболее комфортная — рациональная точка зрения. Которая предполагает, будто всё на свете можно объяснить, и очень просто. «Мне тебя даже немного жаль», — реплика эта, брошенная Гарину рассерженной

---

¹ Арсений Гаврицков. Холодный как «Риф»: каким получился новый роман Алексея Поляринова / «Горький» от 7.10.2020 // <https://gorky.media/reviews/holodnyj-kak-rif-kakim-poluchilsya-novyj-roman-alekseya-polyarinova/>

Ольга Балла

ФИЛЬМЫ ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ЗРЕНИЯ

Шамшад АБДУЛЛАЕВ. Другой юг. — М.: Носорог, 2020. — 240 с.

Теперь, когда прозаические тексты Шамшада Абдуллаева, жителя Ферганы и изысканнейшего русского писателя, создателя ферганской поэтической школы, написанные почти за четыре десятилетия — с середины восьмидесятых, собраны наконец под одной обложкой, мы получаем замечательную возможность всмотреться в их особенности и вдуматься в их устройство.

Первое, что бросается в глаза: он очень мало менялся. Разве что — его проза загустевала, уплотнялась, уточнялась, усложнялась и утверждалась в своих характеристиках, нащупанных автором с самого начала.

О «кинематографичности» текстообразующего взгляда Абдуллаева писали настолько неоднократно (хочется сказать даже, настойчиво¹), что это определение грозит уже обернуться общим местом, тем самым утрачивая точность, — то есть, провоцирует искать пониманий абдуллаевских текстов на других путях. Хотя да, понятно, что у кинематографа Абдуллаев многому учился² — и научился с высокой степенью точности: самому способу выстраивания взгляда, распределения его, переключения его скоростей, чередованию крупных, средних и общих планов. Среди всех внутренних чувств человека (параллелей, проекций чувств внешних) тексты его адресованы в первую очередь внутреннему зрению; каждый — подробный сценарий для персонального читательского внутреннего фильма, последовательность указаний, как следует двигаться воображаемой камере. Буквально пошаговую инструкцию для нее.

В создание каждого такого фильма отчасти вовлекаются и другие чувства; причем в выборе их Абдуллаев довольно нетривиален, — и тут уже мы получаем некоторые основания к тому, чтобы — осторожно, не навязывая автору характеристик мыслителя и теоретика — заговорить о его антропологии, предложив ей название «латентной»:

---

¹ Беря наугад: Александр Чанцев пишет, что «...(стихо)проза Абдуллаева весьма кинематографична» (http://www.litkarta.ru/dossier/chantsev-alexandr-liturgiia-sonnyh-trav/dossier_1631/); Дмитрий Бавильский уподобляет абдуллаевский «особый вариант модернизма» «артхаусному фильму со сложным монтажом» (http://www.litkarta.ru/dossier/ni-da-ni-net/dossier_1631/); Арен Ванян говорит, что предметы своего внимания Абдуллаев рассматривает «сквозь объектив кинокамеры» (<https://gorky.media/reviews/ostatsya-vsego-lish-zritelem-rasskazy-shamshada-abdullaeva>). А Галина Заломкина вообще посвятила целое исследование (http://www.litkarta.ru/dossier/kinematograph-kak-sposob/dossier_1631/) «Кинематографу как способу смотреть / видеть в текстах Шамшада Абдуллаева».

² В том числе на собственной практике: работал в сценарной мастерской киностудии «Узбекфильм», возглавлял кино клуб в Фергане (<http://www.litkarta.ru/world/uzbekistan/persons/abdullaev-sh/>)

Борис Минаев

Как-то иначе

Я помню, как в 90-е годы и в начале 2000-х совершенно по-новому зазвучали тексты русских классиков со сцены, в особенности Островского и даже Чехова с его «Вишневым садом»: все эти векселя, проценты, закладные, акции, все эти товарно-денежные отношения, которые лет 60—70 звучали со сцен академических и народных театров как белый шум, вдруг стали узнаваться, как бы выпирать из привычного текста, режиссеры начали делать на них ощутимые акценты, *сила денег*, которая раньше лишь декларировалась, вновь сделалась важной проблемой для зрителя.

И абсолютно не важно, сколько было денег у самого этого зрителя — он все равно начал как-то сильно об этом задумываться.

С Достоевским вроде бы все иначе — он для нашего театрального зрителя вот уже как 150 лет «про другое». Не про материальное, а про возвышенное.

Впрочем, тут надо оговориться — «сценическим» и театральным Достоевский стал очень нескоро и очень не сразу. Сначала эти огромные тексты, видимо, казались просто неподъемными. Потом — в раннем уже СССР — Достоевский оказался неугоден власти.

Но потом все изменилось. Начиная с «Идиота» (на сцене — БДТ, Г.Товстоногов, И.Смоктуновский; и в кино — «Мосфильм», И.Пырьев, Ю.Яковлев), покатился какой-то девятый вал, цунами прочтений и трактовок, который не останавливается до сих пор — уже больше шестидесяти лет.

Я помню, как ломился народ на трехчастную (три спектакля в один день! — утро, день, вечер) версию «Бесов» Льва Додина, я помню, как нечем было дышать от спертости (не физической) воздуха в постановке великого Анджея Вайды на сцене «Современника» (те же «Бесы»), помню «Брата Алёшу» Эфроса и «Карамазовых» в Маяковке времен Арцыбашева, я смотрел «Идиота» в версии Сергея Женовача (тоже три спектакля, три вечера подряд) на Малой Бронной в 90-е годы с женой и «Преступление и наказание» в театре Моссовета совсем недавно, вместе с сыном. Я помню телеведущего Александра Гордона в театре И. Райхельгауза «Школа современной пьесы» — в качестве исполнителя главной роли, боже, какой прекрасный, какой замечательный был Ставрогин. Помню «К.И. из “Преступления”» в ТЮЗе. Ну, и это, конечно, я еще не все перечислил.

Все это вместе, в общем и целом, — какая-то серьезная часть моей души, моей эпохи, и, конечно, когда я услышал, что «Золотую маску» выиграл Константин Богомолов с «Преступлением и наказанием» (питерский театр «Приют комедианта») — захотелось понять, чем сегодняшний Достоевский, ковидного 2020 года, отличается от тех, предыдущих.

Выводы, которые я сделал из этого сравнения, может быть, и преждевременные, но (для меня) интересные.

Достоевский прежних эпох — окружен всегда флером «запредельной», крайней духовной ситуации, невероятным нервическим напряжением, романтикой «ненормальности», горячечного бреда, потока ассоциативной, философской речи, из

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Электронную версию «ДН» можно купить на <http://дружбанародов.com>

Бумажные номера журнала продаются в московских магазинах:

«Фаланстер» (Малый Гнездиновский пер., 12/27)

«Бункер» (Покровка, 17; ежедневно с 12 до 22)

и в интернет-магазине Лабиринт.ру

в любом городе страны.

Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЪЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ,
СВЯЗИ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РФ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

4/2021**Читайте:**

Андрей Волос.
«Мешалда: книга семейных рецептов»

«— В эскимосском языке девяносто девять слов для обозначения снега, — сказал папа, энергично жуя. — Знаешь почему?»

— Нужно им, наверное. Они же в снегу живут.

— Вот именно. А у таджиков для обозначения очереди — ни одного. Знаешь почему?»

— Ну и почему? — спросил я.

— Потому что очередь для таджиков — это совсем не как снег для эскимосов. Очередь — это последнее, о чем они думают. Потому и слова нет.

— Ага.

— У них и понятия такого никогда не было, — сказал папа. — Чай пить — это они понимают. А в очереди стоять — ни в коем разе.

— В Курган-Тюбе когда бабаи за мануфактурой стояли, они друг друга вот так обхватывали, — сказала мама. Она вытерла пальцы салфеткой, а потом сделала что-то вроде намека на гробок брассом. — Как теперь летку-енку танцуют. Схватятся — и стоят. Чтобы лишний не пролез.

— Уже не танцуют, — сказал папа.

— Не цепляйся, — сказала мама. — Раньше танцевали. Помнишь, когда мы в Ригу ездили. Только ее и слышно было.

— Ну, в ту-то пору самый разгар. Летка-енка ведь эстонская.

— Вообще-то финская, а не эстонская, — возразила мама. — И танцующие руки кладут на плечи переднего. А бабаи за бока держались.

— Вот я же и говорю, — сказал папа. — Нет у них понятия очереди...»